

ЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Проzorov

Царская любовь

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1311.6
ББК 84(2Рос=Рус)644

Прозоров А. Д.

Царская любовь / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2017 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-699-95911-2

Два царевича, два сводных брата – Иван, впоследствии прозванный в народе Грозным, и Георгий, он же Саин-Булат, – какое-то время даже не подозревали о существовании друг друга. Один рос всеми презираемым сиротой, другой воспитывался в далеком Крыму в мусульманской религии, спрятанный от глаз московских бояр. Однако судьбе угодно было свести их вместе на одном престоле и подарить любовь к двум женщинам с одним именем – Анастасия. Это чувство перевернуло не только их жизни, но и существенно повлияло на ход российской истории.

УДК 821.161.1311.6
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-699-95911-2

© Прозоров А. Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
6 декабря 1546 года	6
12 декабря 1546 года	8
15 января 1547 года	19
1 февраля 1547 года	24
11 апреля 1547 года	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Прозоров

Царская любовь

© Прозоров А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть первая Взгляд прихожанки

6 декабря 1546 года Благовещенский собор Московского Кремля

В сей день, шестого декабря в семь тысяч пятьдесят четвертом году от сотворения мира, сразу по окончании заутрени юная боярская дочь Анастасия, младший отпрыск из рода боярских детей Захарьиных, позволила себе в Благовещенском соборе великую дерзость. Полагая остаться невидимой за краем колонны, она не стала кланяться Великому князю.

В крамольном поступке юной девушки не имелось никаких бунтарских замыслов или оскорбительных желаний. Шестнадцатилетняя девушка хотела всего лишь незаметно рассмотреть столь же молодого, неполных семнадцати лет, государя Ивана Васильевича.

Однако же вышло все с точностью до наоборот. В тот самый миг, когда свита государя проходила мимо Настиного укрытия, юный Великий князь внезапно повернул голову в ее сторону и посмотрел прямо в глаза. Твердо и открыто, словно желал разглядеть самую душу боярышни – и сердце екнуло, затрепетало в груди девушки, а по коже явно от испуга прокатилась щекочущая-горячая волна. Анастасия ощутила, как краснеют у нее уши и щеки, как невольно приоткрылся рот.

Иван Васильевич улыбнулся и вроде бы слегка покачал головой, словно с укоризной. Он шел дальше, окруженный боярами и рындами, – но ни на миг не сводил с Насти своего веселого и внимательного взгляда.

Девушка поняла, что попалась, растерянно улыбнулась в ответ – и поспешила склонить голову пред властителем всея Руси.

Умолкли шаги, зашуршали шубы расходящихся прихожан, матушка потянула Анастасию за локоть к выходу – а облик юноши, его взгляд, его улыбка никак не шли из головы боярской дочки, как не оставляло девушку и то странное чувство, из-за которого замирало с трепетом сердце, а по всему телу разбегалось нежное тепло.

– Матушка, он на меня посмотрел... – прошептала Настя.

– Кто?! – оглянулась на дочь Ульяна Федоровна.

– Государь...

– А-а-а... – Женщина мгновенно утратила интерес и закрутила головой в поисках возможных собеседников.

– Матушка, он на меня посмотрел так, словно... словно... – никак не могла подобрать нужного слова девушка.

– Словно рублем одарил, – охотно подсказала Ульяна Федоровна. – Ну и что?

– Матушка, он так посмотрел... Словно я единственная на всем свете белом! Матушка, у меня до сих пор сердце стучит! И на душе тревожно. Мне кажется, я в него... Я в него...

– Настенька, – на этот раз Ульяна Федоровна остановилась и повернулась к ней лицом. – Настенька, тебе уже шестнадцать, давно пора повзрослеть. Ты сама подумай, кто он, а кто ты? Ему по рождению написано с правителями иноземными родниться, али с князьями знатными на худой конец. Союзы в интересах державных выстраивать. Нам же с тобой за счастье из детей боярских в люди выбиться. И покуда ты, Анастасия, в мечтаниях сказочных порхаешь, как бы тебе вовсе в девах старых не остаться! Ты бы лучше не на Иоанна пялилась, а молодцев из свит княжеских посматривала да внимание привлекала. И взгляд чтобы скромный в пол сразу, как оглянутся. Ты у меня краса видная, коса длинная. Глядишь, в сердце кому и западешь...

– Матушка, ты не поняла! Он так на меня посмотрел... – Настя снова задохнулась от сладкого воспоминания.

– Посмотрел и посмотрел, – пожала плечами женщина. – Мужики, как на крыльцо поднимаются, на каждую ступеньку смотрят. Однако же замуж их не зовут. Выброси ты эту блажь из головы! Нам бы надо хоть с кем из бояр знатных разговориться, а не на мечтания пустые время тратить. Молодость мимолетна. Оглянуться не успеешь, а тебе уже восемнадцать. И кому тогда ты, дева старая, окажешься нужна? Так что, Настенька, не дури! Ну подумаешь – посмотрел? На глаза попалась, только и всего! Вздохни еще разик, и забудь!

12 декабря 1546 года Церковь Ризоположения Московского Кремля

В маленькой церквушке, притулившейся на самом краю площади, сразу за Грановитой палатой, пахло горячим воском, ладаном и сладким пчелиным медом. Здесь было тесно, сумрачно и тихо. Так тихо, что Великий князь Иван Васильевич различал потрескивание фитилей в горящих свечах, шуршание голубей в продыхах высоко под потолком и даже шелест мягкого индийского сукна, выбранного митрополитом Макарием для пошива своей мантии.

Государь всея Руси любил беседовать с патриархом. Круглый сирота, презираемый всем дворцовым окружением, он находил любовь и сострадание только здесь, у своего духовного наставника, возле мудрого, неизменно спокойного и слегка грустного святителя-иконописца. И хотя в свои неполные семнадцать лет Великий князь сумел вымахать ростом¹ крупнее всех московских бояр, в плечах развернулся на добрый аршин, а ударом кулака мог легко свалить лошадь – рядом с невысоким и хрупким седобородым старцем Иван Васильевич всегда чувствовал себя тем десятилетним мальчишкой, каковым впервые увидел нового святителя. Впервые исповедался, впервые услышал слова сочувствия и утешения, впервые за несколько лет, прошедших после смерти матери, его с нежностью погладили по голове. Рядом с митрополитом юноше было хорошо и покойно, даже благостно, и потому он не роптал, дожидаясь за спиной святителя окончания его молитвы. Разве только расстегнул скромную, без украшений, рысью шубу, крытую синим сукном, открыв свету поддегую снизу красную с золотом ферязь, и чуть сдвинул на лоб зеленую войлочную тафью.

Наконец святитель перекрестился, низко склонился перед распятием, снова перекрестился и, повернувшись к терпеливому прихожанину, раскрыл руки:

– Иди сюда, сын мой!

– Благослови меня, отче! – Юный государь заключил наставника в столь крепкие объятия, что митрополит невольно крикнул, и тут же отпустил: – Прости, отче!

– Ништо, дитя мое, – улыбнулся старец. – Ты возмужал, это не может не радовать. Надеюсь, разум твой столь же крепок, как и руки. Ты прочел «Повесть о бесе Зерефере», отписанную тебе патриархом Иеремией, да будет милостив Господь к его многогрешной душе?

– Все прочел, отче, – кивнул юноша, огладив гладкое, еще безбородое лицо. – И «Повесть о бесе» прочел, и «Наставления простой чати», и «Об Акире Премудром», и «Стефанита и Ихнилата». И даже «Пчелу» последнюю прочел. Чем еще мне в покоях заниматься, как не книги бабкины да греческие листать?

– Ты словно сожалешь о возможности прикоснуться к мудрости величайших мыслителей ойкумены, сын мой, – укоризненно покачал головой митрополит Макарий. – Ты государь величайшей державы обитаемого мира. Дабы править достойно, тебе надлежит ведать все хитрости и воинского искусства, и дипломатии, и землемерия, и счета, и многих других наук земных и духовных.

– Я постигаю, отче, – смиренно кивнул Великий князь.

– Это славно, Иоанн... – Святитель уловил безразличие в голосе воспитанника, еще раз осенил себя крестным знаменем, создав тем небольшую заминку в беседе, и спросил: – Однако же что привело тебя в храм Ризоположения в столь неурочное время, сын мой?

– Я бы хотел исповедаться, отче, – склонил голову государь всея Руси. – Ибо вождление овладело моей душой и моим разумом. Мне не по силам справиться с сим испытанием самому.

¹ Иван Грозный имел рост 180 см и богатырское телосложение.

– Вожделение? – Святитель изумленно вскинул брови. От своего воспитанника Макарий подобного признания уж точно никак не ожидал. – Что же, сказывай. Приму твоё покаяние.

Юноша задумался. Перекрестился. Затем ещё раз одернул шубу и только после этого заговорил:

– Она уже два месяца ходит к воскресной службе в Благовещенском соборе. Встает в задних рядах... – Великий князь снова надолго замолчал. Опять отер лицо ладонью: – Она изящна, как лесной ландыш, ликом же подобна ангелу. Глаза её черны, ровно зимняя ночь, брови тонки и соболины, губы алы, ровно сладкая малина, а волосы темны, как крыло ворона. Я видел её улыбку, отче!!! И мне безмерно хочется узреть сию улыбку снова. Хочется увидеть её улыбку, услышать звучание её голоса, хочется коснуться её кожи! – Иван Васильевич сжал кулак, вскинул его к губам. – Она не идет из моей головы ни на единый миг, святитель Макарий! Я постоянно вижу её облик, я постоянно мечтаю познать её желания. Я читаю книги – и гадаю о том, понравились бы они сей девице или нет? Я слушаю хоралы – и хочу разделить с нею радость сего наслаждения. Я сажусь к обеду – и представляю её рядом за своим столом. Думы мои токмо о ней одной даже в часы молитвы! Образ девицы сей заполнил жизнь мою, отче. Каюсь, святитель, ибо грешен, – склонил голову Великий князь. – Я её вождедею.

– Порадовал ты меня, чадо мое, зело порадовал, – слабо улыбнулся митрополит, положив руку на плечо воспитанника. – Самой строгою мерой ты не с других, с самое себя вопрошаешь. И в делах и помыслах чистым пребывать желаешь, согласно заветам Господа нашего Иисуса. Однако же порицания от меня ты не услышишь, Иоанн. Ибо грех вожделения есть грех плотский и срамной, утешение пустой похоти, суть блуд животный. В тебе же не плоть срамная страдает, а сердце и душа твои. Сие не есть греховные помыслы. Влечение к женщине дано нам свыше, от самого создателя, изрекшего: «плодитесь и размножайтесь». Желание сие, в сердце вошедшее, есть дар божий, а не грех, и епитимьи накладывать тут не за что. Живи спокойно, чадо. Твоя душа чиста пред Господом нашим. Ты достойный муж и честный христианин.

– Завтра воскресенье, отче, – поднял глаза на митрополита юноша. – Как мне поступить, скажи? Совета у тебя прошу, святитель!

– Я стану молиться за тебя, Иоанн, – перекрестил государя митрополит. – И ты молись. Господь ниспослал тебе свой дар. Он укажет и путь. Будь терпелив, дитя мое, и воздастся тебе за смирение.

– Благодарю, отче, – поцеловал благословившую его руку юноша, перекрестился и вышел из церквушки, оставив святителя наедине с высоким распятием и многоступенчатым иконостасом, уходящим верхними рядами в сизый дымный мрак.

* * *

Описанную воспитанником прихожанку митрополит узнал сразу. Пожалуй, даже ещё до того, как вошедший в Благовещенский собор государь прямо в дверях воровато посмотрел влево, в сумрачную часть храма, где жались к стене самые худородные из пускаемых в Кремль бояр. Одна из стоящих там девушек торопливо опустила лицо. Действительно хрупкая – утопавшая в шубе, и ростом Иоанну самое большее по плечо, с ангельским ликом, словно выточенным индийскими мастерами из белоснежной слоновой кости. И настолько черными глазами, что издали они казались просто темными точками.

– Отец Сильвестр, – негромко окликнул Макарий седобородого священника, старательно расправляющего складки патриаршей фелони. – Видишь двух женщин справа от двери, в шапках горностаевых? Передай, что после литургии с ними желаю побеседовать. И до причастия без сей беседы не допускаю.

– Согрешили в чём-то? – вскинулся служитель и моментально сник под взглядом митрополита. – Да, святейший, сей миг исполню.

Протопоп Сильвестр стал пробираться через храм, а патриарх русской православной Церкви подступил к алтарю и начал таинство благословения приготовленных к литургии даров. С балкона над входными воротами зазвучал хор, славя имя Господа Иисуса Христа, повернулись к иконостасу прочие священники, склонили голову и закрестились прихожане.

Митрополит, отступив от алтаря, выслушал литургию оглашенных, после снятия покрыва Царских врат прочитал анафору. Затем начался обряд причастия.

Макарий благословил только государя и его ближнюю свиту – прочие бояре получили дары из рук многочисленных священников и протопопов. Посему быстро освободившийся святитель жестом подозвал женщин, что терпеливо дожидались его воли неподалеку от образа святого Николая. Укоризненно покачал головой:

– Второй месяц вижу вас, дочери мои, в сем храме, однако же ни разу не замечал, чтобы к исповеди вы подходили и причастию. Нешто тайны какие храните в душах своих, о каковых даже Господу поведать стыдитесь?

– Что ты, что ты, святитель! – испугалась старшая женщина. – Как можно во грехе таком жить, без Святых Даров? Церковь Святого Георгия недалече от дома нашего стоит. Там и причащаемся. Сюда же токмо к литургии твоей ходим, святитель. Благодать твою патриаршию ощутить.

Младшая боярышня лишь скромно потупила взор.

– Как твое имя, дочь моя? – спросил Макарий.

– Раба божья Ульяна, – торопливо перекрестилась боярыня. – Вдова боярина Романа Юрьевича, из рода Кошкиных. А сие – дочь моя, Анастасия, раба божья.

– Коли благодать мою ощутить желаете, отчего за благословением ни разу не подошли?

– Так ведь к тебе токмо князья кланяются, святитель, да бояре думные. Куда нам, худородным, такой чести искать? – повинилась женщина.

Весь облик прихожанок подтверждал ее слова. Шапки и шубы из горносталя – меха недорогого, простецкого, токмо у смердов простых за красивый почитающегося. Сукно подвытерто, пояса кожаные, сумки поясные без украшений. Явно небогатая семья и без родичей знатных, что поддержать могут, к месту приставить, али знакомых нужных найти.

Тайна вдовы Романа Кошкина разгадывалась без труда – по ленте в черной и толстой косе ее дочери. Повзрослела ее доченька, ноне на выданье, а жениха удачного взять негде. Ни связей, ни родства, ни богатства. Вот и водит боярыня Кошкина чадо свое в первый храм православной Руси в надежде на то, что красоту юную хоть кто из бояр родовитых и зажиточных заметит. Глядишь, и повезет из нищеты и забытья выбраться.

– Благословляет не священник, раба божия Ульяна, благословляет руками служителя своего Господь наш небесный, – наставительно произнес митрополит. – Пред богом все равны: и государь наш Иоанн Васильевич, и пахарь простой из позабытой веси.

– Но не ко всякому служителю Его и близко подойдешь, – тихо посетовала прихожанка.

– Ко мне можно, – спокойно ответил Макарий и повысил голос, подзывая помощника: – Отец Сильвестр, прими исповедь от рабы божьей Ульяны, я же дочери ее душу облегчу.

Митрополит поманил к себе юную боярышню, перекрестил ее, улыбнулся:

– Сказывай...

– Прости меня, отче, ибо я грешна... – мягким, как кошачья лапа, бархатистым голосом произнесла девица, не отрывая глаз от пола.

– В чем же грехи твои, милое дитя? – Митрополит взял прихожанку за ладони и отвел немного в сторону от родительницы, пальцем за подбородок поднял к себе юное лицо.

– Я... кушать люблю вкусно. Особенно орешки с медом, – покаялась Анастасия. – И вставать к заутрене ленюсь сильно.

– Кто же их не любит, орешки-то? – невольно улыбнулся митрополит. – Однако же чревоугодие – это когда кушаешь ради кушанья, а не ради утоления голода. Ты орешки на пустой живот ешь али сытая?

– Не задумывалась, отче... – поколебалась с ответом девица.

– Но хорошо, что раскаиваешься, – одобрил Макарий. – Помыслы, стало быть, у тебя верные.

– Благодарю, отче, – смутилась от похвалы Анастасия.

– В чем еще ты желаешь покаяться, дитя мое?

Юная прихожанка примолкла.

– Давай попытаемся вспомнить вместе, – предложил святитель. – Вы с матушкой вдвоем проживаете?

– С братьями, Никитой и Данилой, – ответила девица. – Но Никита в поместье ныне, а Данила на службе, порубежной. И сестра еще, Анна. Она при тетушке состоит, с нею на службу ходит.

– Выходит, покамест втроем, – сделал вывод Макарий. – Гости часто бывают?

– Нет, совсем не принимаем, – опять смутилась прихожанка. – У нас дворни токмо два холопа старых. Еще отцовские. Да и дом на Дмитровке. Куда там гостей созывать?

– Так я не о пирах сказываю, милая. Просто о людях, что в дом приходят.

– Иногда к матушке заходят... Бояре али купцы... – неуверенно ответила Анастасия.

– Душа матушки твоей ныне забота отца Сильвестра, – остановил ее митрополит. – Меня же твои помыслы, чадо, беспокоят. Юные девы, тебе подобные, обычно мечты вполне определенные лелеют. Иные невинные, а в иных и покаяться не мешают.

– Я, отче, – заметно порозовели щеки юной красавицы, – грешных помыслов не имею. Есть добрый молодец, от взгляда коего у меня сердце замирает и озноб по телу всему бежит. Статен он, красив, богатырь таковой, что глаз не отвесть... Да токмо понимаю я, что надежды сии пусты, и помыслов о нем я, святитель, никаких не лелею.

– Ты так сказываешь, дитя мое, словно на самого Великого князя глаз положила! – покачал головой митрополит.

Анастасия заметно вздрогнула, глаза ее испуганно округлились:

– Откуда вы?... – Девушка смолкла, не договорив.

– Помыслы твои, как я понял, не греховны, – кивнул святитель, – однако признаться в них было надобно, ибо высшая цель исповеди есть очищение души. Исполнить же сие, утаив секреты в уголках мыслей, невозможно. Ныне с чистой совестью отпускаю грехи твои, раба божья Анастасия.

Патриарх перекрестил юную прихожанку, позволил поцеловать свою руку с тонкими белыми пальцами, после чего самолично приобщил к плоти и крови Христовой – что было, понятно, великой честью.

– И не обижайте старика, – улыбнулся на прощание Макарий, – не обходите вниманием. Исповедаться можно и у меня.

– Благодарствую, святитель! Обязательно, святитель! – боярыня Ульяна Кошкина, подошедшая за дочерью, припала к руке митрополита. – Долгих лет тебе, святитель!

Несколько раз низко поклонившись, она отступила, схватила Настю за руку, вывела из храма и там, на крыльце, снова не единожды осенила себя крестным знаменем:

– Услышал Господь молитвы наши! Снизошел! Смилостивился, – радостно выдохнула вдова Кошкина. – У самого патриарха Макария исповедаться! С князьями Шуйскими, Салтыковыми, Глинскими бок о бок стоять! Вот уж удача так удача! Глядишь, и снизойдет кто-нибудь до нас, милость проявит. Да хоть бы и любопытство простое, с кем у причастия стоять доводится? Бог даст, знакомство нужное заведем, а то и в свиту какую знатную пробьемся!

Ох, повезло, повезло! Свечку сегодня же толстую поставлю и молебен за здоровье митрополита закажу!

Святитель Макарий в эти самые минуты тоже собирался покинуть Благовещенский собор, переодеваясь в боковом приделе.

– Кошкины, Кошкины... – негромко бормотал он себе под нос. – Не припомню рода такого.

– Из Кобылиных они, святитель, – подавая шубу, поведал протопоп Сильвестр. – Боярина Захарьина дети. Брат боярина Кошкина, боярин Юрьев² Михаил при дворе Великого князя Василия в окольничьи выбился, да преставился десять лет тому. Брату Роману терем в доме своем отписал. Надеялся, вестимо, что тот тоже возвысится да свой двор заведет. Однако же господь иначе рассудил и второго брата пять лет назад тоже прибрал. С той поры Кошкины и сиротствуют. Данила, сын Кошкин, на южном порубежье служит, с татарами сражается. Он уже взрослый, осмнадцать годов исполнилось. Посему поместье кошкинское в казну не отписали. С него и живут...

Священник во время исповеди явно не сплеховал. Узнал о прихожанке все, что только можно. Тайны исповеди, понятно, не нарушал – о прегрешениях ничего не сказывал. Однако же родство боярыни Ульяны Кошкиной личным секретом не являлось.

– Боярин Захарьин вроде как плодовитым был? – облачившись в соболью шубу, прищурился на протопопа митрополит.

– Одних сыновей шестеро! – тут же подтвердил Сильвестр. – Иные по сей день на службе. В Вытегре, помнится, воевода Захарьин сидит, другой в поход литовский недавно ходил.

– А ты умен, протопоп, – неожиданно признал митрополит. – Нужно тебя запомнить. Посох подай!

Святитель оперся на золоченый пасторский посох и не спеша, торжественно вышел из храма. Спустя полчаса он уже прижал озябшие ладони к изразцам горячей печи в патриарших покоях Чудова монастыря и надолго застыл в этом положении, полуприкрыв глаза.

Макарию было о чем помыслить, и думы сии являлись зело опасными. Пахнувшими кровью и плахой, отлучением и ссылками. Грозящими лютой смертью любому, кто о них проведаст.

Взойдя на кафедру почти шесть лет назад, новгородский архиепископ был полон презрения к сидящему на троне ублюдку. Ибо все знали, что Великий князь Иван прижит Еленой Глинской от воеводы Овчины и наследником Василию Ивановичу никак не является. И гнить бы выродку в тюрьме али быть зарезанным – да токмо наследник его законный, князь Шуйский по прозвищу Немой, преставился бездетным, едва достигнув общего признания. И потому по всем законам хоть права лествичного, хоть прямого – но старшим в роду оказался малолетний князь Владимир Андреевич Старицкий, державший свой двор в Великом Новгороде.

Знамо дело, никто из московского боярства изгонять правителя своего, пусть и незаконного, ради возвышения князя чужого, да еще и с собственной новгородской свитой, не захотел. А то ведь недолго и на порубежную службу прямиком из Думы и чертогов государевых отправиться, места насиженные новгородцам уступив...

Конечно, нового Великого князя взамен низложенного можно бы и «выкрикнуть». Да только никто из знатных князей возвышения соперников ни за что не допустит: Глинские, Бельские, Тучковы, Воронцовы, Салтыковы ни за что не позволили бы выкрикнуть Шуйских, при всей их знатности – закричали бы, побили, запинали чужих сторонников, а Шуйские,

² Говоря о боярах и князьях XVI века, следует помнить, что их «фамилии» таковыми отнюдь не являлись. К имени и отчеству чаще всего добавлялись названия поместий, которыми они владели; иногда прозвища, а иногда – производные от имени или отчества родителей. Посему даже родные братья запросто могли иметь разные «фамилии», причем отличные от отцовской, а сами бояре зачастую именовались разными «фамилиями» в зависимости от обстоятельств: по прозвищу, если речь шла о личности, по поместью, если о службе, по деду/прадеду, если речь шла о родовитости – и т. д.

понятно, не дали бы занять стол Московский кому-либо другому – и в том нашли бы поддержку всех своих нынешних соправителей.

Вот токмо из-за сих придворных свар и мелкой корысти и остался на троне презираемый всеми безродный семилетний Иван. Лишь для того, чтобы место сие драгоценное никому другому не досталось. Самый последний холоп во дворце Великокняжеском считал себя знатнее государя, и потому почести ему оказывались лишь показные и прилюдные – когда мальчика для приема послов иноземных наряжали, к службе церковной выводили али на иные торжества выставляли. Но стоило закрыться за спиной Великого князя резным дворцовым воротам, как почтение исчезало, слуги пропадали в темных коридорах, няньки обращались к личным хлопотам, и нередко случалось так, что правитель величайшей державы мира оставался голодным, сам стелил себе постель и искал по сундукам сменную одежду.

Митрополит Макарий много раз слышал на исповедях подобные жалобы от обиженного одинокого сироты. Слышал их от обычного мальчишки, изливающего душу своему пастырю.

Знать, что перед тобой прижитый на стороне выродок, – это одно.

Презирать беззащитного ребенка – это другое.

Презирать детей святитель не умел.

День за днем, месяц за месяцем, год за годом митрополит начал проникаться бедами несчастного мальчишки, попавшего в жернова жестокой и кровавой династической распри. Иван больше не вызывал у него отторжения, с каковым Макарий прибыл в Москву. Теперь священник относился к мальчику с жалостью и сочувствием, утешал, вел долгие беседы, взражая и наставляя, уча относиться к бедам со смирением, прощать врагам, воздавать добрым самаритянам. Патриарх приохотил юного государя к чтению, музыке, иным наукам и искусствам, давал читать труды мудрецов древних и новых, жития святых и великих правителей, храбрых воевод. Ради него, Иоанна, Макарий выискивал и собирал все мудрости ойкумены, для него составил двенадцатитомный сборник «Четых миней» с наставительными рассказами на каждый день года, ради него подготовил «Владычный летописный свод», рассказывающий историю православной Руси, ради него построил типографию и принудил монастыри к принятию общего устава, наглядно показывая князю, как надобно применять самые передовые изобретения розмыслов на благо державное и как от подданных своих порядка и послушания добиваться...

Шесть лет чуть не каждодневных увещаний! Иоанн уже очень давно не был для патриарха жалким литвинским ублютком. Пожалуй, юноша стал для Макария даже не воспитанником – дитем настоящим, сыном истинным. Пусть не по крови – по духовной близости. Столь же образованный, остро мыслящий, набожный и столь же возвышенный в желаниях и стремлениях своих. Мудрый не по годам. Достоинейший из достойных. Мальчик, в которого святитель вложил всю свою душу и которого уже давно любил как родного сына.

– Един бог на небесах, един кесарь на земле, – задумчиво произнес ритуальную фразу пастырь и медленно провел ладонью по глянцевым сине-белым изразцам. – Жрут бояре Русь православную, ровно крысы, под себя куски от плоти ее живой отрывая, о державности Рима Третьего не помышляя. Все себе, себе, себе... Хозяин земле сей надобен. Един хозяин, что окорот даст крысам жадным, каковой образ святой Господа Иисуса на хоругвях поднимет, веру истинную защитит. Набожный, образованный, душою чистый.

Тонкие, сухонькие пальцы бывшего иконописца сжались в слабенький кулачок и ударили по печи.

Осуществлению мечты патриарха мешало только одно. Вся власть, вся сила в Москве принадлежала ныне тем самым родовитым князьям, каковых он желал скинуть, посадив образованного государя вместо разнузданной вольной семибоярщины. Потворствовать своему изгнанию нынешние кремлевские властители вряд ли согласятся.

– Вразуми меня, Господи, – повернулся к иконе в красном углу митрополит. – Дай силу и мудрость деяние благое во имя державности православной свершить. Дай силы мне, Господи, дай мудрости и помоги дланью своей всесильной...

Он несколько раз размашисто осенил себя крестным знаменем и склонился в низком поклоне.

* * *

Церковь Ризоположения при всей своей скромности была домовым храмом московских патриархов, и потому посторонние люди в этот малый храм, притулившийся к стене Великокняжеского дворца, заглядывали редко. Лишь здесь патриарх всея Руси мог в полном спокойствии заниматься делом, что всегда успокаивало его и приводило в разумное, молитвенное состояние души: предаваться росписи, тщательно, мазок за мазком, нанося яркую киноварь на толстый деревянный барабан, что служил ножкой для подсвечника перед иконостасом.

Он не оглянулся, ощутив дуновение холода от приоткрывшейся входной двери. Митрополит и без того догадывался, кто первым примчится сюда, едва окончится заутреня.

– Рад видеть тебя, чадо, – улыбнулся Макарий и снова взмахнул кистью, заканчивая изогнутый лепесток неведомого, придуманного им самим растения. – Посмотри, Иоанн: место между бутонами я закрою темно-зеленой медянкой. Должно получиться красиво, как полагаешь?

– Доброго тебе здравия, отче! Я знаю, вчера ты с нею разговаривал! – выпалил юноша, не в силах сдержать своих чувств.

– Очень милое дитя, – кивнул святитель, добавил в янтарный мед немного пигмента, тщательно размешал получившуюся краску и перешел к новому ряду бутонов.

– Это все, что ты можешь сказать, отче?! – горячо выдохнул государь, сделав шаг ближе.

– Она действительно красива, – степенно ответил патриарх. – Набожна и чиста душой. Раба божия Анастасия... Чудесная девица! Коса толстая, щеки алые, что сия киноварь, юношью так и пышет, просто ладушка, птичка весенняя. Вот токмо... – Митрополит запнулся, прикусил губу, осторожно нанес еще мазок. – Вот токмо лишь пред ликом Господа мы все равны, Иоанн, – и цари, и смерды. В делах же мирских законы иные. И ладушка сия, считай, простолоудинка обычная. Нищая наследница рода Кошкиных, дочь боярина Романа Юрьевича. Ты, мыслю, о таком и не слыхивал.

– К чему мне богатства, святитель?! Мне ее голос услышать хочется, дыхание ощутить, губ сахарных коснуться!

– Будь ты воин простой, Иоанн, за слова сии я бы тебя похвалил токмо. – Митрополит наконец-то отвернулся от барабана и посмотрел в голубые глаза воспитанника. – Но государь ты и во первую голову о делах державных мыслить обязан! Что дадут тебе глаза черные да губы сахарные? Сладость пустая, утешение души, не более. Вспомни, чадо, за спиной твоей ныне никакой силы не стоит, дабы на престоле утвердиться и власть хоть какую-то обрести. Коли в жены свои выберешь дочь из семьи знатной, род сей княжеский за тебя и словом, и златом, и силой ратной завсегда встанет! Задумайся на миг, сын мой, что случится, коли ты объявишь вдруг, что в жены княжну Трубецкую, Салтыкову или, тем паче, Шуйскую желаешь взять, на стол московский возвести? У князей сих вмиг сомнения во власти твоей испарятся! Каждое слово ловить станут, все приказы исполнять, костями на защиту твою лягут! Твердую опору сразу обретешь, дабы державой православной повелевать.

Воевод бывалых, союзников верных, защитников искренних...

– И что проку мне, отче, от сей державности, коли каждое утро вместо глаз любимых лицо постылое лицезреть стану? – тихо остановил увещевания Великий князь. – Прости, святитель, но не желаю я такого величия.

– Ты говоришь мне о любви, отрок? – нахмурился Макарий. – Ты девицу лишь издалека несколько раз искося лицезрел и уже в любви некоей уверен?

– Да, отче, – сглотнув, кивнул юноша. – Душу мне образ девицы сей перевернул. В уме и сердце моем живет, помыслить себя без нее не могу. Если это не любовь, что же тогда словом сим нарекают?

– Неужели, чадо, ты готов променять звание Великого князя, власть в державе православной на глаза черные, уста сахарные да на голос, коего даже и не слышал вовсе? – укоризненно покачал головой митрополит.

– Мне титулы сии в тягость, святитель, – даже поморщился государь. – Лучше я простым боярином служить буду, в избе крестьянской жить, лишь бы токмо Анастасия та моею стала!

– Звание государя всея Руси не пряник тульский, дабы так легко им разбрасываться, – отложил кисть и досочку с красками патриарх. – Титулы сии токмо с головой правители теряют. Коли ты, Иоанн, вместо княгини знатной простолюдинку в жены себе выберешь, бояр родовитых кланяться ей принудишь, позора столь великого они тебе точно по гроб жизни не простят. И пренебрежения подобного к дочерям их, и унижения местнического. Всех... Ты понимаешь сие, Иоанн? Ты всех знатных бояр супротив себя возмутишь! Не простят тебе этого князья наши. Не простят, нож в спину воткнут при первой возможности! Готов ли ты на сие?

– Готов, отче, – без колебания ответил молодой человек.

– Мне кажется, ты не понимаешь серьезности моих слов, чадо мое любимое, – вздохнул митрополит. – Ты выбираешь смерть. Выстоять одному супротив всех родов знатных не так-то просто. Сомнут тебя князья с боярами, как есть сомнут. Сгинешь безвестно в порубе холодном, ако брата отца твоего. Ни тел, ни следов, ни пятна кровавого не останется.

– Пусть так, отче! Лучше смерть рядом с любимой, нежели трон без нее!

– Уверен ли ты в сем выборе, сын мой возлюбленный? – твердо и холодно произнес святитель. – Третий и последний раз спрашиваю тебя, Иоанн: готов ли ты голову свою положить ради того, что девицу Анастасию урожденную Кошкину женой своей прилюдно назвать? Вот крест святой, перед ним поклянись! Но подумай сперва крепко, ибо данного сейчас слова назад вернуть уже не сможешь!

Юноша внимательно посмотрел на своего воспитателя, прошел мимо него к распятию, глубоко вздохнул, выдохнул:

– Жизнью клянусь! – Он широко перекрестился, наклонился вперед и поцеловал ноги господя. Помолчал, повернул голову к митрополиту: – И что теперь, святитель?

– Теперь ступай с миром, дитя мое, – заметно смягчил голос Макарий. – В Благовещенский собор больше не приходи, дозволяю. Придумай что-нибудь для опекунов своих докучливых. Нездоровым скажись, что ли...

– Н-но... – неуверенно развел руками государь.

Патриарх подошел к нему, положил ладонь на плечо, улыбнулся:

– Веришь ли ты мне, возлюбленный сын мой, Иоанн?

– Да, отче, – настороженно ответил юный Великий князь.

– Тогда будь тихим и незаметным. Забудь про Анастасию свою, про меня, про высокое свое звание. Обратись котенком малым и послушным, немощным и глупеньким. Сюда приходи через месяц. Тогда и узнаешь, дитя мое, счастье тебе выпадет али погибель.

– А-а-а... – открыл было рот юноша, но святитель предупреждающе вскинул палец:

– Против тебя весь мир, дитя мое. Тебе не нужно ничего знать и ничего сказывать. Слишком много вокруг недобрых глаз и лишних ушей. Просто доверься мне, мое возлюбленное чадо. Мне и зову своей души. Нет большего чуда в земном мире, нежели чистая и искренняя любовь. Если Всевышний ею тебя одарил, то, вестимо, сделал сие не просто так. Поверь в свою любовь! И да пребудет с тобой милость Господя нашего Иисуса.

Государь всея Руси склонил голову под благословение, поцеловал руку митрополита и покинул церковь.

Святитель вернулся к работе и потратил на роспись барабана еще несколько часов. Только перед обедом дверь приоткрылась снова, впустив волну морозного воздуха и плечистого боярина в горлатной шапке и ондатровой шубе, с длинной седой окладистой бородой, на левой стороне которой были сплетены три тонкие косицы, украшенные цветными атласными ленточками. Пояс казался простым, кожаным – однако чехол ложки украшали несколько изумрудов, а на поясной сумке поблескивал десяток золотых клепок. На вид гостю было уже за сорок, на лицо успели закрасться первые морщины, нос стал рыхлым, и его усыпали крупные ямочки, густые брови тронула седина. Впрочем, выглядел мужчина еще крепким, стоял твердо, по сторонам поглядывал уверенно.

В храме гость, понятно, тут же скинул шапку, перекрестился, низко кланяясь, на все четыре стороны, после чего прошел к занятому росписью святителю, осенил себя знамением еще раз:

– Благослови меня, отче, – попросил он митрополита, – и прости глупости свершенные, ибо я многогрешен. Токмо на слово патриарха надежда и осталась.

– Коли только на меня надежда, Григорий Юрьевич, – поднял на него глаза святитель, – что же сам не приходишь? Отчего звать к исповеди приходится?

– Ты хочешь исповедовать меня, святитель? – подергал себя за косички в бороде боярин. – Даже не знаю, как расплатиться за подобную честь!

– Честностью, воевода, – замешал еще немного красок митрополит. Он уже приступил к зеленению рисунка и теперь разводил в меду порошок ярь-медянки. – О храбрости твоей в походах литовских и казанских я наслышан. Ты ведь полками командовал?

– Охватными, святитель, – честно признал гость. – Для полков ратных и больших родом я не вышел. Как в народе сказывается, государь может токмо златом али землями награждать, но даже он не в силах одарить знатным рождением. Боярскому сыну в князья не выслужиться. Сие токмо по рождению происходит.

– Всякое случается, Григорий Юрьевич, – легко пожал плечами святитель.

Разухабистость сразу слетела с гостя. Он расстегнул шубу, пригладил бороду. Лицо стало сосредоточенным, даже как-то сузилось в скулах.

– Сказывают, Григорий Юрьевич, – накладывая краску, продолжил святитель, – с князьями Глинскими ты исхитрился вражду завести?

– Литва прибудная полками русскими командовать желает! – презрительно сплюнул бывалый воин. – Где такое видано, чтобы чужаки в воеводах ходили? Нешто своих князей нехватка?

– И с Шуйскими, – ласково добавил Макарий.

– После смерти Василя Немого достойных князей в их роду не осталось! – опять развел плечи боярин. – Ходил я с Немым и Овчиной на схизматиков, били таково, кости токмо трещали! Ныне же сюсканье одно супротив немчуры сей слышно.

– Дабы ссоры подобные затевать, Григорий Юрьевич, надобно думным боярином быть али хоть окольничим, – продолжал гнуть свое митрополит. – Родню хорошо иметь не в полках порубежных, а дьяками в приказах да конюшими али постельничими.

– Худородные мы больно, святитель, чтобы дьяками али даже подьячими сидеть, – напомнил боярин. – То места княжеские. Куда нам, ратникам простым, о сем мечтать? А коли и сядем, так слушать не станут. Бояре родовитые судами местническими замучают, приказов ни в жисть из рук наших не примут. Увы, святитель, но нет такого способа, чтобы сына боярского с князем ровней сделать.

– Ну отчего же? – прищурился митрополит, прокрашивая тонкую щелочку между лепестками. – Вот, скажем, дочь боярского сына Сабурова, Мария, за князя замуж вышла, и с радостью ее в семью приняли, а сам он, Сабуров, ажно до судьи в поместном приказе дослужился.

– Х-ха! – хлопнув в ладоши, рассмеялся боярин. – Так он ведь тесть государев! Соломея Сабурова, даром что худородная, но женой...

Воин осекся, замерев с разведенными для нового хлопка руками. В его взоре возникло понимание.

– Так что и бояре Захарьины, коли повезет, коли хорошо постараются, тоже в день удачный могут нежданно окольными и дьяками, воеводами и судьями разом оказаться, – невозмутимо продолжил митрополит.

Это было правдой. Звание дядьки, брата, племянника жены государя всея Руси по местническим спорам вполне заменяло самые родовитые княжеские титулы.

– Шуйские, Трубецкие, Глинские... Не дадут, – прошептал боярин. – Не допустят. Не позволят.

– Вы ведь все Кобылины? – покрутил в руках кисть митрополит Макарий. – Богатый, как я слышал, род на сыновей. Кошкиных вроде как двое, Юрьевых трое, двое Яковлевых, шестеро Захарьиных, самих Кобылиных четверо. А еще сыновья сыновей, сватья да племянники, да друзья по братчинам. Сколько же вас, родичей таких, худородных? Ты ведь ныне среди Кобылиных старший, Григорий Юрьевич, коли не ошибаюсь?

– Сразу даже я не сочту, – покачал из стороны в сторону нижней челюстью старый воин. – Род наш не богатый, но обширный. Сие ты верно заметил, святитель. Ко мне, знамо, относятся с уважением. Прислушиваются...

Митрополит прикусил губу, выводя кистью тончайшие линии. Вроде как увлекся работой своею, но на самом деле – колеблясь в последнем шаге на краю пропасти.

Еще слово – и он станет главою заговора. Пусть не против государя, а в его защиту – но ведь княжеской клике таковая крамола токмо страшнее, опаснее покажется! Проведают хоть краем уха – порвут в мелкие кровавые клочья без единого колебания!

Пока еще у святителя есть возможность остановиться, не договаривать – дожить свой век в тишине и покое, закрыв глаза на разор и беззаконие, семибоярщиной творимые. Предоставить Русь православную самой себе, судьбе предначертанной.

Вот токмо как он потом на небесах Господу всевидящему и всезнающему свое невмешательство оправдывать станет? Он, хранитель истинной веры в величайшей православной державе, ее совесть и опора!

Иконописец еле заметно скосил глаза на гостя, все еще торопливо размышляя, оценивая. Не подведет ли Григорий Юрьевич в последний миг, не испугается? Не обманет ли, не предаст? Не выдаст ли князьям и Думе?

Вроде как не должен... Боярина, десятки раз летевшего с рогатиной наперевес на стену немецких копий или в конную шибку с басурманами, глупо подозревать в трусости. С князьями Захарьин не в ладах, с Глинскими несколько лет назад чуть поножовщину не устроил. Возможности отомстить не упустит. К тому же – возвышение всего рода Захарьиных до государева престола! Таких предложений не отвергают даже под угрозой неминуемой плахи. Соблазн столь великого взлета родной семьи слишком велик, чтобы отказаться или предать. Григорий Юрьевич не может не согласиться. А если он согласится, то юный государь получит то, в чем сейчас нуждается превыше всего в своей жизни: пару сотен боярских сабель, преданных лично ему, Ивану Васильевичу, а не кому-то из князей или поместных сотников, и несколько десятков столь же преданных опытных бояр, способных заменить княжеских ставленников в приказах, на важнейших воеводствах и в службах.

Нужно рисковать. Без риска не бывает успеха.

– Скажем так, – отложив кисть, задумчиво произнес Макарий. – Князя Шуйские, холопов своих кликнув, могут разом сотни полторы людей выставить. Трубецкие, Салтыковы – того вполчину. У Глинских, бог миловал, сторонников от силы десятков пять. Сочтем за три сотни на круг с прочими сторонниками. Род Захарьиных хотя бы две сотни бояр собрать в Москву способен?

– Коли с холопами, то и шесть скликать можно, – мрачно ответил боярин. – Да токмо мы ведь не станем в Москве с князьями рубиться?

– То, Григорий Юрьевич, ни нам с тобою, ни всей Руси святой ни к чему, – согласился патриарх. – Православным ратникам кровь христианскую проливать грешно. Но ведь не в том беда наша, что верных государю воинов мало, а в том, что приказы владетеля всероссийского они чрез руки княжеские получают. Великий князь Иоанн Васильевич в Кремле в палатах сидит, окрест него князья собрались, за князьями бояре, и лишь за боярами люд служивый. Служивый люд голоса государя не слышит. Токмо тому верит, что бояре от имени государева передают. А говорил ли то Великий князь, приказывал ли, али бояре с князьями сами сии указания придумали – поди проверь. Но вот коли вдруг найдутся боярские дети храбрые да, момент улучив, вокруг Иоанна Васильевича внезапно место займут, князей отодвинув и государю дозволив напрямую с народом православным разговор вести, тогда все в момент переменится. Тогда воля Великого князя станет истинной волей, его приказы – настоящими приказами, а храбрецы сии честно места себе в службах, полках и воеводствах заслужат. Места княжеские, не худородные.

– На правах родства с государем? – все же переспросил Григорий Юрьевич.

– Родства с Великой княгиней, – немного уточнил митрополит.

– Кто? – выдохнул боярин.

Святитель промолчал. И это было понятно. Имя девушки, прозвучи оно слишком рано, станет для нее смертным приговором – если, не дай бог, о возникшем заговоре услышат посторонние.

– Государь всегда окружен холопами и боярскими детьми Шуйских, Салтыковых и Глинских, спрятан в Кремле, во дворце, за стенами высокими, за дверьми толстыми, за засовами крепкими, – не дождавшись ответа, сказал Григорий Юрьевич. – Как можно выкрасть его без сечи?

– Через месяц случится нежданное торжество, – пообещал митрополит. – На нем будет государь, малое число его слуг и столько бояр Захарьиных, сколько ты сможешь собрать. А дальше все мы станем всего лишь исполнять приказы Великого князя. Ведь противоречить государю – это измена, верно?

– Всего месяц?

– Чем длиннее планы, тем сильнее риск их разрушения, – пожал плечами святитель. – И не рассказывай никому о нашем разговоре, Григорий Юрьевич. Будет лучше, если посвященными останемся только мы вдвоем. Полагаю, твои родичи не обидятся, коли возвышение случится для них неожиданным?

– Они стерпят, святитель, – низко поклонился митрополиту боярин.

15 января 1547 года Московский Кремль, Чудов монастырь

Митрополит сидел в кресле и внимательно рассматривал опушенную соболем тафью, крытую сверху серебряными пластинами. Пластинки сходились на острие в середине шапочки, к небольшому кресту, отчего драгоценная тюбетейка напоминала скорее ратную ерихонку, нежели мирный головной убор. Работа была тонкая, изящная. Следовало признать, целый месяц мастера потратили на нее не просто так, заказ святителя исполнили на совесть.

– Здесь подождите! – распорядился за дверью юный голос. – Али вы исповедь мою слушать собрались?

Створка распахнулась, в горницу вошел любимый воспитанник Макария.

В этот раз государь был одет в шубу бобровую, дорогую, крытую малиновым атласом, да в шапку соболем. От молодого человека далеко веяло холодом, по подолу одежды сверкал иней. Москва готовилась встретить грядущее крещение крепкими, трескучими морозами.

– Доброго тебе здравия, отче Макарий, – поклонился Великий князь. – С праздниками поздравить тебя желаю, минувшими и грядущими. Сам я, как ты велел, хворал минувший месяц и к молебнам не приходил. Иные дни вовсе в постели провалялся. Чудится мне, князь ужо и рукой махнули, не приходят вовсе. Юрия, брата моего, к возведению на стол после кончины моей готовят. Но назначенные тобою дни, святитель, сочтены. Я здесь, отче, и готов выслушать твое пастырское слово!

– Шуйские князья, Трубецкие князья, Салтыковы князья, Воротынские князья. Хворостины вон землями не богаче обычных детей боярских, однако же тоже князья. И ты среди них первый! – поднял новенькую тафью выше, до уровня глаз, митрополит. – Первый, но все же князь. – Макарий опустил взгляд на юношу. – Един бог на небе, един властитель на земле. Дабы о власти своей, личной объявить, Иоанн, во первую голову ты должен от подданных своих званием отличаться. Не первым среди прочих быть, а собою единым над прочими склоненными головами. У схизматиков среди королей и герцогов император особый имеется, у османов – султан великий. На востоке сарацинском цари над эмирами, беками и мурзами вознеслись. Тако и тебе надобно звание высшее принять.

Патриарх положил драгоценную тафью на скамью возле расписных подсвечников.

– Какое? – Великий князь проводил взглядом головной убор, очень сильно напоминающий шапку Мономаха.

– О сем тебя хотел спросить, чадо, – ласково улыбнулся митрополит. – По отцу своему, Василию, ты есть потомок Рюрика, внука императора римского Октавиана Августа, и потому полное право имеешь на титул императорский и земли отчие римские. По матери ты Чингизид, потомок царя Батыя, наследник титула царского и земель сарацинских от Волги и до пределов восточных дальних. Какой из титулов тебе по душе более?

Юноша облизнул отчего-то пересохшие губы, расстегнул на шубе крючки. Медленно произнес:

– Земли западные нищие, схизматиками погаными порченые. Окромя вина и костров с бабами, ничем не известные. Бедняки оттуда что ни год сотнями к нам бегут... Кто на стройках камни кладет, кто колбасу крутит, кто вино варит, кто на службу нанимается, кровь свою и живот за серебро продавая. Восток же сарацинский трактатами научными богат, астролябиями и обсерваториями, шелками и скакунами резвыми, пушками и коврами. К чему мне титул нищего дикаря, святитель? Коли уж править, то мудрецами и мастерами искусными! Царем, подобно чингизидам великим, зваться куда как достойнее выйдет, нежели императором.

– Одобряю твой выбор, мой мудрый сын. Царь – значит царь, – кивнул седобородый старик, поднялся с кресла, положил ладони воспитаннику на плечи. – Вот и пришло твое время, возлюбленное чадо мое. Пора!

* * *

Шестнадцатого января митрополит Макарий повелел сообщить горожанам, что службы в Благовещенском соборе проводить не станет, ибо притомился и до праздника Крещения желает отъехать на отдых в великокняжеский дворец на Воробьевых горах.

К службе без патриарха потеряли интерес и большинство знатных бояр, а потому в Кремле в этот морозный беснежный день редкие дорогие шубы князей да дьяков почти не встречались – а вот худородного служивого люда оказалось на удивление много, чуть не полные сотни, сбившиеся в небольшие компании у дворцовых дверей, у обоих крылец, у ворот и возле всех местных храмов.

При внимательном взгляде могло бы показаться, что худородных воинов в Кремле собралось уж слишком много супротив обычного – да токмо разве кто к ним приглядывается? Не басурмане, чай – свои, православные. Пришли и пришли.

События двигались обыденно и даже скучно, не предвещая неожиданностей. Народ тянулся в Благовещенский собор, санный возок митрополита медленно полз к Боровицким воротам, воины в нарядных зипунах и простецких тулупах толклись без дела. С крыльца Великокняжеского дворца спустился юный государь Иван Васильевич, охраняемый двумя рындами и в сопровождении дородного князя Трубецкого со свитой из пяти бояр.

Возок остановился, приоткрылась дверца. Великий князь поспешил к патриарху, припал к его руке. Завязалась тихая беседа.

Князь Трубецкой слегка замедлил шаг, однако останавливаться не стал – невместно родовитому боярину, равно слуге жалкому, выблядка какого-то ждаться! Гордо постукивая посохом, он прошествовал мимо, величаво поднялся на ступени собора. Его свита поступила так же.

Рядом с юным государем остались только рынды.

И вот тут случилось неожиданное: опершись на руку Великого князя, митрополит Макарий выбрался из возка, бок о бок с воспитанником прошел через расступившуюся толпу к Успенскому собору и скрылся в приветливо распахнутых воротах.

Внутри храма было светло – многие из прихожан пришли именно сюда, в один из главных храмов православной державы, чтобы вознести молитвы, поставить свечи святым, испросить благословения, заказать службу. У каждого из образов стояло по несколько десятков свечей, и их ровный восковой свет заливал собор нежным, не дающим теней сиянием.

Нежданное появление святителя и государя заставило москвичей на время забыть о своих планах, потянуться к алтарной части. Там скинувший шубу на пол митрополит в драгоценной золотой фелони принял от подбежавшего священника подсвечники с длинными скрещенными свечами, поклонился на четыре стороны и начал молебен за здоровье государя всея Руси Великого князя Иоанна Васильевича.

Пока он вел службу, несколько детей боярских принесли и поставили перед алтарем, спинкой к царским воротам, тяжелое деревянное кресло с высокими подлокотниками. По окончании пения псалмов Макарий указал воспитаннику на сей трон и торжественно провозгласил:

– Венчается раб божий Иоанн, волею Господа Великий князь и государь всея Руси и народа православного, земли святой, церкви кафолической! Ныне правителем державы великой становится наследник законный стола Московского, защитником рубежей земных и веры истинной! Ответь мне, раб божий Иоанн, каковой верой душа твоя спасается?

Юноша уже успел сесть в кресло, и двое служек, раскрыв на нужной странице, положили пред ним молитвенник.

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, – срывающимся голосом объявил Великий князь, – Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша...

Едва он закончил чтение всех двенадцати постулатов веры, в Успенском соборе торжественно ударили колокола, и очень быстро звон этот был подхвачен в ближних и дальних храмах.

– О еже благословитися царскому его венчанию благословением царя царствующих и господ господствующих, – торжественно вскинул руки над юным правителем святитель, – о еже укреплену быти скипетру его десницею вышняго! О еже помазанием всесвятого мира прияти иму с небес к правлению и правосудию силу и премудрость! О еже получитьи ему благопоспешное во всем и долгоденственное царствование; яко да услышит его господь в день печали и защитит его имя бога Иаковля...

Молитва текла и текла из уст патриарха, призывая на Иоанна благословение небес. Во дворе же и соседнем Благовещенском соборе прихожане уже поняли, что происходит нечто важное и непонятное. Люди потянулись в запевший первым Успенский собор, отчего в нем становилось все теснее и теснее. Когда сюда ворвался князь Трубецкой, то не смог двинуться дальше врат и оттуда наблюдал, как голову Великого князя митрополит Макарий помазал елеем и как юноша, взяв с красной подушки царский венец, самолично водрузил его себе на голову.

– Тебе, царь православный, святой животворящий крест вручаю, дабы веру истинную прославлял и преумножал! – Святитель вручил воспитаннику тяжелый золотой крест. – Тебе, царь православный, скипетр царский вручаю, дабы правил ты хоругвями Великого Русского царства во славу ратей православных!

Митрополит повернулся к прихожанам и громко объявил:

– Радуйся, люд православный! Государь наш Иоанн на царствие венчался! Един бог на небе, един царь на земле! Слава государю нашему, царю Иоанну Васильевичу!

– Слава! Слава! Слава! – Толстые каменные стены, казалось, качнулись от радостных выкриков сотен людей. – Слава царю Иоанну!

Иоанн поднялся и, как был, в царском венце, со скипетром в правой руке и крестом в левой, пошел через храм. Толпа отхлынула в стороны, освобождая проход – и князя Трубецкого служивые оттеснили в сторону наравне с оказавшимися здесь бабами и боярами.

Царь и святитель вышли на крыльцо, встреченные торжествующими возгласами москвичей и служивого люда, прошествовали к возку митрополита, сели в него. Лошади тронули тяжелые сани с места.

«Уезжает!» – обожгло князя Трубецкого. Он метнулся с крыльца, махнул рукой своей свите, указывая вперед... И злобно сплюнул. Прилюдно повелеть своим боярам хватать, вязать государя князь не мог. Никак не мог. Толпа худородных москвичей его самого после подобного приказа схватит и на клочки вместе с холопами порвет. Оставалась надежда лишь на то, что привратники без приказа великокняжеских опекунов мальчишку из Кремля не выпустят.

Однако и в воротах толпилось три десятка служивых людей, как бы случайно подпирая плечами тесовые створки. С десятком стражников, пусть даже те все с копьями и в броне, эти плечистые воины справились бы без труда.

Применять силу, впрочем, и не потребовалось. Боярам, сторожащим Боровицкие ворота, и в голову не пришло преграждать путь саням митрополита. Наоборот – они все склонились за благословением, скинув шапки и шлемы, торопливо перекрестились. А на набережной Неглинной к возку святителя примкнули с полсотни всадников, уже открыто опоясанных саблями. Из-под тулупов этих воинов и в запахе воротников холодно поблескивали кольца кольчуг и

пластины юшманов. А чуть опосля сани нагнали еще три сотни бояр, что стояли на венчании и охраняли Успенский собор во время таинства.

– Кажется, обошлось, чадо, – облегченно перекрестился святитель Макарий, откидываясь на спинку кресла и поправляя медвежий полог, укрывающий ноги. – Венчанию опекуны твои не помешали, возможность упустили. Возвращать тебя силой князя не посмеют. Это уже бунт открытый, люд русский сего безумия не поймет. Ополчение боярское, горожане московские, они ведь тебе присягали, а не Шуйским с Глинскими. Не так много холопов у опекунов твоих, чтобы супротив всей земли русской за свою корысть биться. Не посмеют. Хотя, знамо, караулы округ хором Воробьевских надобно выставить крепкие и службу сторожевую усилить. Захватить тебя князя, может, и не рискнут, но вот убийцу подослать – это легко. Тебя зарезать, брата твоего юного на стол посадить, меня в монастырь дальний в погреб отправить, и тогда все опять к порядкам прежним вернется...

– Выходит, я теперь царь? – поежился юноша.

– Всевластный государь, чадо, – степенно кивнул митрополит. – Един бог на небе, един ты на земле. Привыкай.

– Так, – погладил пальцами подбородок царь всея Руси. – И с чего мне начинать свое царствие надобно, отче?

– Во первую голову, – начал рассказывать святитель, – надобно во все пределы русские грамоты отослать с известием о твоём венчании и о том, что все печати прежние со старым титулом отныне более недействительны. Они ведь у опекунов твоих и в Думе боярской остались. Князя воспользоваться сим способны, указов в свою пользу напридумывать. Дабы сего не допустить, воеводы на местах должны иметь пример твоей царской подписи и новой печати. Титул у тебя отныне иной, великий, так что прежний надлежит почитать за крамольный и оскорбительный.

– Но где взять новую печать, отче?

– Я еще месяц тому назад втайне заказал, – слабо улыбнулся митрополит. – И венец, и печати, и даже грамоты нужные верные писцы загодя составили. Однако же без подписи твоей не обойтись, кроме тебя, ее начертать некому.

– Твоя мудрость достойна восхищения, – покачал головой юный царь.

– У меня целый месяц в запасе имелся, Иоанн, и опыт управления церковного в три десятка лет, – не принял похвалы святитель. – У тебя тоже сей опыт скоро появится.

– Что еще мне надлежит сделать, отче?

– Собор созвать всенародный, чтобы каждое сословие со всех уголков земли русской своего представителя на него прислало. И сделать сие без промедления. Дума боярская, на твою юность и неразумность ссылаясь, твои указы многие оспорить или забыть попытается. Но если их не ты, если их Земский собор утвердит, тогда у Думы супротив тебя никакой опоры не останется. Не тебе они противостоять станут, всей земле русской. Ты же от имени всего мира православного вещать и править станешь. Народ державы нашей твой голос из уст твоих должен услышать, без пересказчиков и переписчиков. Услышать твою личную волю и твои личные указы.

– Какие указы? – неуверенно спросил юноша.

– А что бы ты хотел изменить в державе нашей, чадо? – повернулся к воспитаннику митрополит. – Что отменить, что добавить, что улучшить?

– Я? – Молодой царь ненадолго прикусил губу, потом выпалил: – Хочу, чтобы образование хорошее каждый ребенок в державе моей получал! Чтобы читать и считать все до единого умели! Чтобы сирот неприкаянных больше не появлялось. Чтобы все сыты были и счастливы – и знать, и люд простой, худородный. Чтобы за живот свой и добро люди русские нигде и никогда не боялись!

– Желания благие, похвальные, – усмехнулся святитель. – Отныне ты правитель земли русской пред богом и людьми, власть у тебя. Воплоти в жизнь желание свое, чадо. Добейся его исполнения.

– Как же мне осуществить сие, отче? – жадно спросил юный царь.

– Ну, не знаю... – пожал плечами Макарий. – Сие есть дела мирские, житейские. Вот соберется собор Земский, ты его о сем и спроси. А как с собором всерусским к общим помыслам придешь, волю единую утвердишь, то с родами знатными ты уже не от себя, а от всей земли русской и народа православного говорить станешь. Волю всенародную никакая родовитость не перебьет.

– Собор, грамоты... – загнул пальцы юный царь. – Что еще, святитель?

– Людей верных на важные посты поставить. Тех, каковые живот свой за тебя положить готовы и ныне возок наш от недругов возможных охраняют. – Митрополит глубоко вдохнул, выдохнул. – Но это не сейчас. Недели две надобно во всеоружии выждать. Коли опекуны твои за это время никакой пакости не сотворят, то опасность первая, считай, миновала. Силой, стало быть, неудачу свою исправлять не станут.

1 февраля 1547 года Москва, Дмитровка

В тереме было холодно. Как-никак третий этаж над подклетью. Печи же все, понятно, внизу. Пока тепло добиралось вверх, под дощатую кровлю, все оно куда-то исчезало. Да еще морозы стояли трескучие – аж вода в колодцах замерзала. Тут и на кухне, возле печи, не очень отогреешься. А уж на верхотуре...

Обычно боярыни Кошкины так и поступали – проводили дни в людской, возле жарко натопленных печей, занимаясь рукоделием; или на женской половине Захарьиных, уходя к себе только на ночлег. Однако же две недели назад дом внезапно опустел. Супруга Григория Юрьевича еще перед Рождеством внезапно отъехала в поместье – само собой, с обеими дворовыми девками, да Анну Романовну в компаньонки прихватив; сам же боярин, ничего не сказавши, еще шестнадцатого января исчез вместе со всей дворней и всеми собравшимися на праздники родичами.

Было подворье малым и тесным – от людей не протолкнуться, – и вдруг стало пустым, темным и огромным. Куда ни повернись – мрак и тишина, и только эхо гуляет по гулким коридорам. И среди мрачной сей громадины сидели две женщины у открытой топки и бережливо, помалу, топили чужую печь чужими дровами.

Богатое московское подворье рядом с церковью святого Георгия стало для братьев Захарьиных не радостью, а сущим проклятием. Отстроенное выбившимся в окольные Михаилом – третьим воеводой в полку Лево́й руки, доверенным посольским боярином, не раз встречавшим иноземных послов, сидевшим в Думе и знакомым лично с государем Василием, – оно вполне совпадало с доходами царедворца, возвышенного над прочими худородными людишками. Михаил Юрьевич мог позволить себе заказывать аж по полста возков с дровами на зиму, постоянно подновлять длинный частокол, перестилать тесовую крышу, держать лошадей в просторных конюшнях, заполнять обширный погреб съестными припасами, держать в людской многочисленную дворню и закатывать в трапезной пышные пиры. Богат был Михаил Юрьевич, именит. И братьев к себе призвал, дабы и их возвысить!

Да вот беда – родичей призвал, а сам скончался неожиданно. Тут у Захарьиных родство при дворе, равно как и надежды на возвышение кончились. И оказался двор обширный и богатый на руках двух худородных братьев, постов выше сотника никогда на службе не получавших. У сотника же, понятно, и содержание от казны в десять раз менее, чем у полковника, и добычи столь же меньше, и награды, коли достоин, тоже совсем не царедворские.

Продать дом брата не решились. Разговоры ведь сразу пойдут, что вконец обнищали Захарьины, добро свое на серебро меняют. Позор. Прочие расходы поджали, но за жилище столичное держались.

Однако же через четыре года Роман Юрьевич тоже преставился, и тут уж вовсе беда настала. Данила, старший из сыновей Романа, еще только в новиках был – а какой у новика прибыток? Ни от казны содержания, ни доли достойной в походах. Токмо служба одна да расходы: себя для похода по полному разряду снаряди – две лошади, броня, сабля, копье, лук со стрелами, щит и рогатина крепкая; холопов снаряди – не хуже себя, как положено; припасы с собою возьми самое меньшее на два месяца... Никите же, брату младшему, тогда и вовсе всего двенадцать исполнилось.

Расходы на службу – немалые. Жить семье тоже на что-то надобно. Доходы потомкам Романовым остались же только от прадедовской деревни Кошкино. Полста дворов, триста с небольшим чатей пашни, лес да болото... Не зажируешь. Даже уехать некуда: на подворье московское потратились – своей усадьбы не завели. На два дома доходов не хватило.

Спасибо – не гнал Григорий Юрьевич племянников из терема, жалел, хотя ныне вся тяжесть содержать подворье повисла на нем одном. Скрипел зубами боярин, каждое полено, купленное по счету, в печь отправлял, колья подгнившие в тыне подпирал до последнего, трещины в кровле смолой мазал, дворню кашами и репой кормил, лишь раз в неделю рыбу позволяя, а мясо так и вовсе по праздникам – но держался, невесть на что надеясь, с домом семейным не расставался.

Однако кошкинского здесь не оставалось уже ничего – и потому женщины, так выходило, без спросу чужим пользовались. И дровами, горящими в топке, и самой печью, и даже горшком, в котором прела капуста с пшеном, заправленная для сытости мелко посеченным салом. Оправданием боярыне Ульяне служило лишь то, что хозяева ее о планах своих не упредили, а оставлять жилище вовсе не топленным дело зело вредное. Что-то померзнет, что-то полопается, стены выстудятся – потом за месяц не отогреешь. Да и печь замороженная треснуть способна. А и не треснет – растапливается потом тяжко. Дымит, коптит, сажа по топке всей откладывается. Так что Ульяна Федоровна своим самовольством весь общий дом захарьинский, считай, спасала. Однако дрова боярыня берегла, больше пяти-шести за раз не подбрасывая, и каждый раз дожидалась, чтобы они до углей прогорели.

– Матушка, а давай здесь сегодня ночевать останемся? Уж больно зябко в тереме нашем, – неожиданно предложила Анастасия, одетая по-домашнему, только в сарафан из мягкого бежевого сукна поверх исподней сатиновой рубахи. Темные волосы перехватывала лишь расшитая бисером полотняная лента.

Увы, но боярыне Кошкиной приходилось проявлять бережливость даже в одежде, и потому красоту недорогому наряду придавала только вышивка – шелковой нитью на поясе и бисером над грудью.

– Невместно людям боярского рода в людской-то спать, – наставительно ответила Ульяна Федоровна. – Чай, не холопы.

– Так ведь нет же никого, – развела руками девушка.

– То не в глазах чужих дело, а в достоинстве боярском, – покачала головой женщина. – Достойной деве и наедине с собой достойно себя вести надлежит!

– Здесь тепло, матушка. Наверху же у нас холод, ако в лесу зимнем! Ни одеяла, ни шубы наброшенные не спасают!

– Однако же постель достойная, а не лавка али сундук. Не каждому, доченька, в мире сем удастся постелью собственной обзавестись! Так гордись сей возможностью, волей собственной не равняйся с рабами, каковым вповалку, где придется спать приходится.

– Может, и на лавках холопы ночуют, да в тепле, – тихонько посетовала Анастасия. – Коли дров еще чуток подбросить, так тут и без одеяла согреться можно. Зазря ведь тепло сие пропадает, матушка? Дом пустой, никто не увидит, не узнает. Перед кем чиниться?

– Пред совестью своей! – решительно ответила боярыня, сунула ухват в печь, ловко выставила горшок на стол. – Пусть чуток остынет.

Она поколебалась возле открытой топки, поворошила кочергой россыпь березовых углей и вдруг махнула рукой, метнула на них три толстых полена. Послышался легкий треск, и уже через мгновение береста полыхнула ярким белым пламенем.

Ульяна Федоровна обернулась к столу, перемешала горячее варево в горшке, сдвинула его ближе к углу, кивнула дочери:

– Садись, Настенька. Коли не спешить, так не обожжёмся.

Женщины стали по очереди черпать ложками кашу, дуть на нее, остужая, и так потихоньку, ложечка за ложечкой, незаметно умяли половину изрядной посуды.

– Половину на утро оставим, – решительно облизала ложку Ульяна Федоровна, – дабы с рассветом стряпней не заниматься. Пойду, дров еще принесу.

Боярыня подхватила у печи веревочную переноску, вышла из людской.

Юная Анастасия сразу догадалась, зачем матушка так поступает, и тоже отложила ложку. Но уже через мгновение не выдержала, схватила и торопливо черпнула ароматного варева еще несколько раз. Снова положила ложку и решительно отодвинула, а сама встала и отошла на несколько шагов. Она все еще не наелась – но совесть не позволяла девушке пользоваться общим угощением в одиночку.

– Ох, на улице и вовсе суший Карачун настал, – вернулась боярыня с охапкой заиндевевших, дышащих холодом поленьев. – Уши, ако береста, сворачиваются!

– У нас в тереме, верно, постель тоже заледенела, – потупив взор, тихонько сказала Анастасия.

– А и бог с тобою, – вдруг решила Ульяна Федоровна. – Чего теплу пропадать? Обернись наверх, одеяла принеси. На них вместо перины ляжем.

– Сей миг, матушка! – обрадовалась девушка.

Она быстренько выкатила из печи уголек, запалила от него хвощовую свечу, выбежала из людской. А когда вернулась, неся на плече пухлые перьевые одеяла, боярыня уже успела сдвинуть к печи, плотно составив, четыре лавки. Коли в доме никого – так чего тесниться?

– Дверь входную проверь, пока свеча не погасла, – принимая одеяла, сказала Ульяна Федоровна.

Анастасия кивнула, быстрым шагом пробежала до сеней, потрогала тяжелые засовы, вернулась назад. Там ее уже ждала просторная постель, залитая алым светом из полыхающей топки. Было в этом что-то сказочное, пугающее и завораживающее.

– Матушка? – неуверенно спросила Настя.

– Иду, иду! – отозвалась из-за двери Ульяна Федоровна. – Про подушки-то забыли!

Боярыня появилась в людской, бросила подушки в изголовье, зябко передернула плечами.

– Морозит к ночи, матушка?

– Вестимо, выстуживает, – согласилась женщина, вытянула из связки еще пару поленьев, метнула в топку. Подумала и подбросила еще. – Мыслью, не осерчает Григорий Юрьевич, коли тепло сбережем. Давай укладываться.

Боярыни Кошкины сняли сарафаны, в рубахах забрались на расстеленное одеяло, прикрывшись вторым. Впрочем, вполне можно было обойтись и без него. В топке опять загудело пламя, жарко дыша наружу, играя алыми отблесками на сооруженной наскоро постели. В этом уютном свете пламени, в тепле и сытости Анастасия заснула почти мгновенно.

Ей было хорошо, покойно. Девушка ощутила себя почти счастливой – и в видении ночном она тоже стала совсем иной, не то что наяву. Не безродной бесприданницей – а княгиней знатной, в белой шубе соболиной и шапке из бобра, с оплечьем жемчужным и в сарафане с самоцветами. И персты все от колец сверкали. На возке белоснежном прямо в Кремль она вкатилась, полог медвежий откинула, из саней на площадь из плашек дубовых вышла, по ступеням в храм Благовещенский взошла...

И было пусто окрест – ни единой души живой и ни единого шевеления. Двери же сами собою распахнулись – а на ступенях оказался он, сам Великий князь, что уж месяц к службе не выходил, в ферязи красной, да с золотом, в шапке песцовой, в поясе самоцветном. Увидел княжну-красавицу белую и прямо ахнул весь, руки ей протянул, к поцелую склонился. От радости екнуло сердце Настеньки, ослабела она чуть не до беспамятства, охнула... и проснулась.

Печь, видно, давно прогорела – топка была закрыта, вьюшка задвинута. Однако в людской все равно оставалось еще тепло, если не сказать жарко. Боярыня сладко потянулась, спросила:

– Матушка, а какой сегодня день?

– Воскресенье, Настенька. Надобно в церковь собираться.

– Зачем? – Девушка перекадилась со спины на живот. – Ивана Васильевича как на царствие венчали, так он более на людях и не показывается. Да и до того цельный месяц к службе не приходил.

– Что нам до государя? – придирчиво рассматривала одежду Ульяна Федоровна. – Мы же не на него смотреть ходим, а себя показывать.

– Он самый красивый на свете, матушка, – сладко потянулась Настя. – И лицом ладен, и телом крепок, глаза прямо яхонты! Как небо чистые.

– Ох, много ты видела глаз этих от придела дальнего!

– А он на меня, матушка, смотрел! И как смотрел... – Девушка зажмурилась и вновь, словно наяву, представила себе облик юного государя, его голубые глаза, его улыбку. Вновь затрепетало сердечко, и пробежало по телу волнительное тепло.

– Нашла чего вспоминать, – тряхнула шубу боярыня. – Он и на ката у крыльца, вестимо, смотрит. Много коту от того пользы?

– Нет, матушка, он на меня не так смотрел! Я же чувствовала! Ах, если бы он со мною поздоровался, беседу завел... – мечтательно ответила девушка, не открывая глаз. – Я бы ему точно по сердцу пришлась!

– Для бесед у него княжон знатных в достатке, – фыркнула Ульяна Федоровна. – А кто Иван Васильевичу по сердцу, о том приказ иноземный побеспокоится. Посольский то бишь. Государь, милая, не по сердцу, а по надобности державной женятся. Ты одевайся давай, чего разлеглась?

– А сны на воскресенье сбываются, матушка? – Настя села на краю постели, потянулась к теплому сарафану.

– Нет, – мотнула головой женщина. – Токмо четверговые.

– Жаль, – вздохнула Анастасия. – Мне нонеча привиделось, что княжной я заделалась знатной да в богатстве вся по Москве разъезжаю.

– Такие сны и вовсе ни в какой из дней не сбываются, Настя, – добродушно рассмеялась Ульяна Федоровна. – Для такого чудо великое случиться должно. А Рождество, доченька, уж месяц как прошло. И даже Крещение миновало. Время чудес позади...

Тут по дому прокатился гулкий стук.

– Ох, господи! – испугалась женщина. – В дверь кто-то колотит! Вот говорила же я... Сворачивай все быстрее и уноси! Не дай бог кто прознает про позорище такое, в людской боярам спать... И оденься скорее! Пойду открывать. Может, задержу.

Нарочито без спешки Ульяна Федоровна прошла через дом в сени, отодвинула оба тяжелых засова дверей – и створки сразу распахнулись, впустив облако морозного пара, слепящее зимнее солнце и нескольких мужчин.

– Лошадей не расседывать, ныне же отъезжаем! – громко распорядился Григорий Юрьевич, ныне одетый в тулуп поверх покрытой изморозью кольчуги. – Сани запрягайте! И ворота распахните, а то мы всю улицу запрудили!

– А... Мы... – не сразу нашлась что сказать нагрянувшему хозяину подворья Ульяна Федоровна.

– Рад видеть тебя, невестушка. – Григорий Юрьевич неожиданно крепко обнял жену покойного брата. – Как тут без нас, управились? Настенька во здравии ли?

– А-а-а... Наверху, в тереме, – оглянулась через плечо женщина.

– Ну, так зови! – Стирая рукавицами иней с усов и бороды, розовощекий боярин прошел в дом. – Я в людскую, погреться. Печь-то топили?

– Да, ныне теплая! – обрадовалась Ульяна Федоровна. – Но ночью, понятно, дрова не жгли.

– Ну, так щ-шас затопим! – рассмеялся Григорий Юрьевич. – Час-другой у нас всяко имеется! Пока холопы сани заложат, пока вы сами уложите... Ах да, невестка! Вы это... Одевайтесь нарядно да тоже собирайтесь. За вами я прискакал, с рассвета в седле.

– Сейчас, кликну! – Ульяна Федоровна заторопилась в людскую, обгоняя боярина, и точно: застала дочь с подушками в руках, торопливо отпихнула в сторону, полузаслоня собой. Спросила: – А что за нужда такая в нас возникла вдруг, Григорий Юрьевич?

– Радость в семью вашу я привез, Ульяна Федоровна, – широко улыбнулся боярин, сбросив тулуп на составленные лавки. – Жених для Анастасии твоей внезапно нашелся! Знатный и не бедный. О приданом даже не спрашивал. Так что собирайтесь скоренько, и выезжаем. До темна до дворца его добраться надобно, завтра венчание.

– Дворец?! – радостно охнула Ульяна Федоровна.

Одно это слово рассказало о будущем зяте больше тысячи книг.

Жених жил не в доме, даже не в усадьбе – во дворце! Сиречь – не о сыне боярском, и даже не о боярине речь пошла, а о князе самое меньшее, да не худородном.

– Завтра?! – испуганно охнула Анастасия, уронив спрятанные за спиной подушки. – Уже?!

Юная боярышня знала, что рано или поздно это случится. Даже надеялась на сие – ибо кому же хочется в старых девах-то остаться? Для бесприданницы нищей любой брак за радость выйдет. Однако известие обрушилось на нее столь внезапно, да еще после столь сладкого колдовского сна, что она не справилась с нахлынувшими чувствами и громко выдохнула:

– Не пойду замуж! Не хочу! Другого я люблю. Слышите? Другого! Не хочу за постылым век куковать! Лучше в монастырь! Лучше в приживалки! Не пойду, слышите, не пойду! У алтаря отказ выкрикну! – Девушка развернулась, побежала наверх, в терем, стремглав взлетев на третье жилье по скрипучей лестнице, метнулась в опочивальню и с размаху рухнула на теплые еще одеяла, зарылась в них лицом, застучала кулаками: – Не пойду!

Вскорости постель промялась, рядом с нею опустилась Ульяна Федоровна, погладила по голове:

– Что же ты, доченька? Удел наш такой, милая. Хочешь не хочешь, но род продолжать надобно, детей рожать, дом крепить. Судьба уж такая бабам всем на роду написана... Мужики в походы ходят. Во славу державы православной, для возвышения потомков своих кровь в битвах проливают, а то и живот свой кладут. Мы же лоном своим семье служим. Потомков приносим, родством связи нужные скрепляем. Нельзя без этого. Так уж мир сей устроен, что нельзя.

– А я не хочу! – Девушка хлюпнула носом, поднялась, обняла мать, прижавшись к ней всем телом. – Я по любви хочу! Как в сказке! Чтобы страсть до смерти! Чтобы жизни без него не было! Дабы каждый раз, как мужа видишь, душа замирала от радости. Дабы намиловаться не могла, натешиться. Чтобы каждое прикосновение как праздник!

– Стерпится – слюбится, – тихо ответила Ульяна Федоровна, продолжая ласково водить по волосам дочери. – Поначалу, может статься, страшновато покажется. Но потом малые пойдут, хлопоты навалятся. Привыкнешь на мужнее плечо опираться, каждая встреча за праздник казаться будет. Особливо как с похода возвращаться станет. У них же жизнь такая... Дома отдохнул, детей поцеловал, жену обнял, да и снова в поход... И сиди, гадай... Вернется, или ты вдовая уж, да токмо пока не знаешь... – Боярыня неожиданно тоже хмыкнула носом и наклонила голову, уткнувшись лицом в волосы дочери. – Может, оно и лучше, без любви-то? Дабы сердечко от страха-то каждый раз не рвалось?

– А я не хочу! – упрямо прошептала Настя, прижимаясь еще крепче к материнской груди.

Тяжело закрипели ступени лестницы, потом доски в коридоре. В дверях кашлянул Григорий Юрьевич.

– Горюете, бабоньки? – хмыкнул он. – Оно правильно – перед свадебкой девке поплакать, оно по всем обычаям полагается. Ну а пока ревешь, племянница, послушай меня очень внимательно. Брат у тебя есть, Данила. Ныне он кровь на порубежье татарском проливает. Коли замуж ты завтра выйдешь, так его нынешним же месяцем в окольные возведут. И будет он уже не сыном боярским в общем строю, а полком командовать, многими сотнями служивых, и вместо трех рублей в год целых тридцать токмо от казны получать. Еще у тебя есть брат Никита. Коли замуж ты завтра выйдешь, так года через три, как срок положенный он в походах новиком проведет, так тоже окольным станет и нужды никогда в жизни не изведает. Есть у тебя сестра Анна. Коли замуж ты завтра выйдешь, то не бесприданницей она уже будет, каковыми вы ныне выходите, а невестой зело завидной. Да и матушке твоей грошки считать более не придется. А коли откажешься под венец завтра идти, то тем обиду жгучую у жениха отвергнутого вызовешь, посеешь вражду лютую вместо дружбы и союза крепкого. И вместо наград всех заготовленных как бы жених на всем роду нашем захарьинском ту обиду лютостью не выместил... Подумай над сим, Анастасия. Крепко подумай! Но недолго, ибо кони в сани уже запрягаются и надобно собираться вам быстро да выезжать. Скажи, племянница, согласна на брак, мною сговоренный, али прахом все старания семьи нашей пустишь?

Боярин отступил, потоптался возле лестницы, громко вздохнул, вернулся:

– Что скажешь, девочка? Ты едешь?

Из глаз Анастасии выкатилась горячая слеза. Она всхлипнула... и кивнула.

Душа ее кричала: «Нет!», сердце горело от боли – но, кроме любви, у Насти имелся еще и разум. Боярышня Кошкина понимала, что ради благополучия всей семьи, ради братьев, сестры, ради матери одной из дочерей в роду можно и пожертвовать. Так уж складывается, что жертвовать будут ею, Настей.

Судьба.

Боярышня разжала объятия, вытерла глаза и поднялась:

– Давай собираться, матушка. Сани ждут.

Словно в насмешку над ночным видением, полукрытые сани оказались снежно-белые – пока стояли на дворе, все изморозью покрылись. И полог в них был медвежий. Усевшись, женщины накинули его на ноги, укутали плечи в беличьи пелерины. Ворота распахнулись, возок выкатился на утопанные московские улицы, повернул на юг, соскользнул из Китай-города прямо на ровный лед Москва-реки. Возничий взмахнул кнутом.

– Куда хоть едем, служивый? – негромко поинтересовалась Анастасия.

– Тебе лучше и не знать, боярыня, – оглянулся через плечо холоп. – Вишь, в броне постоянно ходим? Как бы не случилось чего, коли ухо чужое прослышит.

– К кому хоть едем? – уже громко подала голос Ульяна Федоровна. – Хоть молодой он, старый? Собою ладен?

– И не спрашивай, боярыня. Сглазишь...

– Только бы не старик... – плотнее запахнув на груди пелерину, прошептала Настя. – Господи, только бы не старик!

Мимо проплывали белые тонкие кроны разбитого напротив Кремля великокняжеского сада, по небу ползли легкие облачка, создававшие вокруг солнца радужный ореол. Все выглядело красиво, празднично – словно в сказке. На душе же девушки скапливались все более и более мрачные предчувствия. И вновь из глаз выкатились одна за другой две слезы. Настя откинулась к задней стенке возка и стала смотреть в чистое и ясное, как любимые глаза, небо.

Когда небо стало темнеть, сани вкатились в ворота, остановились у крыльца высокого дома. Женщины выбрались из возка, немного прошлись, разминая ноги.

– Часа три ехали, – прикинула Ульяна Федоровна. – Верст десять, выходит. Совсем недалеко от Москвы. Коли галопом, так от заутрени до рассвета в Кремль поспеть можно. А дворто какой! Церковь своя, амбары большие. Дворец богатый.

Анастасия промолчала. Холопы тем временем отвязали и сняли с задка саней сундук с их вещами, понесли наверх. Женщины поспешили следом и так, по стопам слуг, оказались в просторной горнице с небольшим слюдяным оконцем, с обитыми толстой ногойской кошмой стенами и коврами на полу. Комнату освещали сразу три масляные лампы, да плюс к тому на подоконнике стояли вычурные пятирожковые подсвечники.

– Ох ты, благодать какая! – Боярыня обошла горницу, провела ладонью по кошме. – Ай да Григорий Юрьевич, вот молодец! При встрече в ножки отныне кланяться стану. Теперь я за тебя, доченька, спокойна. В хорошие руки отдаю. Как сыр в масле кататься станешь.

Ульяна Федоровна остановилась перед гладкой стеной, выложенной зеленым одноцветным кафелем, приложила ладонь, отдернула:

– Горячая! – Она дошла до двери, толкнула, заглянула, восторженно охнула: – Да тут опочивальня! Перина высоченная! И балдахин! И печь какая дивная, изразцовая! Без дверцы. Вестимо, снаружи откуда-то топят. А стены, глянь, расписные все! Ох, доченька, повезло тебе, так повезло!

– Устала я, мама, – скинула шапку Анастасия, расстегнула шубу. – Почивать пойду.

– Постой, как же это?! – забеспокоилась Ульяна Федоровна. – Ты же сегодня даже не покушала ни разу!

– Не хочу, матушка. – Девушка кинула шубу на лавку у окна. – Сыта.

Она перешла в опочивальню, сняла сарафан, вытянулась на постели, глубоко утонув в мягкой перине, и вцепилась зубами в угол подушки, стараясь не заплакать.

Но у нее не получилось.

Пока дочь отдыхала, Ульяна Федоровна разобрала сундук с вещами. В деревне сказали бы – с приданым, но какое это приданое для боярской дочки? Немного украшений, широкий пояс, нарядный вышитый, пара сарафанов с бисером, кокошник, ленты, приготовленные на свадьбу платье и пелена.

Их боярыня и развернула на лавках, дабы от складок отлежались и проветрились. Именно они первыми и попались Анастасии на глаза, когда утром та вышла из опочивальни. Но девушка даже не вздрогнула. Все слезы были уже выплаканы, все думы передуманы, все мечты похоронены. Остался только долг. Долг женщины перед своей родной семьей.

Анастасия внешне спокойно стянула через голову рубаху, в которой спала, облачилась в чистую. Села перед зеркалом из полированного серебра, позволила матери переплести косу, подрумянить щеки, начернить глаза, вдеть серьги, украсить пальцы перстнями. Надела платье, повесила на шею оставшиеся в шкатулке ожерелья, украсила лоб кокошником. Так же спокойно и послушно поела принесенных матерью кураги и фиников, запив все компотом, подняла пальцы, давая возможность покрыть ногти хной, губы затемнила свеклой и спрятала лицо под тройной белой пеленой.

Готовились к венчанию боярыни Кошкины тщательно, не спеша, потратив на все почти три часа времени, и потому ждать им почти не пришлось. Когда снаружи зазвучали колокола, невеста только-только была готова. Матушка набросила ей на плечи шубу, а вместо шапки, дабы не помять убор, накинула на голову пелерину. Взяла под локоть, повела через дом. В таком одеянии Анастасия не видела ничего, кроме пола на три шага перед собой. Однако ей больше ничего и не требовалось.

Девушка вышла на крыльцо, осторожно спустилась по ступеням, миновала двор, взошла на ступени храма, перешагнула порог. Здесь заботливые руки сняли с нее пелерину, шубу, и уже совсем другая, большая и сильная, ладонь взяла невесту за руку, повела вперед, к аналою.

– Господи, только бы не старик! – еле шевеля губами, взмолилась Анастасия. – Иисусе, Господь всемогущий, только бы не старик!

Она до ужаса боялась поднять голову, разочароваться, сорваться в последний миг, и потому шла через церковь, как и ранее от дома – со смиренно опущенной головой. Жених остановил ее, и Настя невольно сглотнула.

Священник начал литургию. Голос его показался боярышне странно знакомым, но девушка оказалась слишком взволнованна, чтобы понять, кому он принадлежит.

Литургия закончилась, отче тонкими белыми пальцами вручил ей зажженную свечу.

– Венчается раб божий Иоанн и раба божия Анастасия! – гулко прозвучал голос святого отца, и его тут же подхватил разноголосый хор.

Девушка вздрогнула и невольно проговорила:

– Только бы не старик! – но в пении и молитвах ее никто не расслышал.

Анастасии внезапно стало жарко. Таинство венчания переворачивало ее душу. Хотя, может статься – так и должно было быть?

Священник читал и читал молитвы, пока, наконец, не обратился к ней:

– Берешь ли ты, раба божья Анастасия, в мужья свои раба божьего Иоанна?

Девушка напряглась, понимая, что вот сейчас, в этот миг и решается судьба, что одним лишь словом она отрежет всю свою прежнюю жизнь, совершит нечто непоправимое. И не без усилия, совсем негромко выдавила:

– Да! – выдохнула и до боли прикусила губу.

Вот и все! Теперь она чья-то жена...

Ответа мужа девушка не слышала. Как во сне сделала три глотка крови христовой из поднесенного золотого кубка, вытянула руку. Священник привязал ее полотенцем к руке мужчины рядом, трижды обвел вокруг алтаря.

– Отныне объявляю вас мужем и женой, дети мои! Можете поцеловать друг друга!

Анастасия вздрогнула, судорожно сглотнула.

Сильные руки взяли ее за плечи, повернули. Откинули с лица тонкую кисейную пелену. Взяли за подбородок, осторожно поднимая лицо вверх.

Настя в испуге зажмурилась, до последнего мига оттягивая неизбежное.

«Господь-вседержитель, молю тебя! Что угодно, только бы не старик!»

Но ждать до бесконечности невеста не могла. Анастасия открыла глаза, увидела перед собою могучего юного богатыря в царских нарядах, драгоценные голубые глаза, улыбку из вчерашнего сказочного наваждения и невольно охнула:

– Ой, мамочки... – Тело пробило предательской слабостью, ноги подогнулись...

Но плечи девушки уже находились в могучих руках мужа. Он удержал Настю, наклонился и крепко поцеловал.

Мир вокруг словно схлопнулся в небытие, в котором осталось только сие прикосновение желанных губ, от которых потекли по телу сладкая истома, теплота, чудесное состояние легкости, безмерного счастья...

Митрополит кашлянул, привлекая внимание забывшихся в поцелуе молодоженов, потом чуть громче. Прошептал:

– Вот охальники... – и уже громче добавил: – Да намилуетесь еще, дети! Весь век впереди!

Иоанн послушался, чуть отодвинулся. Но Анастасия никак не могла оторвать от него своих глаз, млея в неге, в колдовском наваждении от любящего, истинно любящего взгляда мужа!

Наконец царь всея Руси взял свою царицу за руку и повел к выходу из храма, к людям, встречающим их радостными криками, под дождь из проса и монет.

– Только бы не сон! Господи, только бы снова не сон! – шепотом молилась девушка и как могла крепче держалась за руку своего мужа. И опять плакала. Теперь уже вовсе непонятно почему.

Казалось, это не кончится никогда – целую вечность сидели они на свадебном пиру, глупо теряя первые часы супружества. Но неожиданно между тронами новобрачных появился молодой худощавый боярин в темно-зеленом кафтане, безусый еще и безбородый, негромко спросил:

– Вам в покои чего-нибудь припрятать, государь?

– Ты кто? – покосился на него юный царь.

– Боярин Алексей Адашев, государь, – склонил голову паренек. – Стряпчий я, по хозяйству в сем дворце твоем помогаю. Постель вам приготовил новобрачную. Баня тоже топится, дабы опосля трудов супружеских отдохнуть. По обычаю я вам курицу вареную за изголовьем положил. Но коли желаете, могу еще чего-нибудь отнести. Вам же тут ничего не кладут. Верно, голодные?

Иоанн посмотрел на жену. Та лишь счастливо улыбнулась. Ей было все равно.

– В бане стол хороший накрою, – не дождавшись ответа, сделал вывод Адашев. – Коли нужно что, я у левой двери стою...

Боярин исчез. Юный государь прикусил губу, привстал, обводя зал взглядом.

– Но мы тут запервались, дети мои! – перекрыл шум веселья голос митрополита Макария. – Молодые же наши притомились, пора их в опочивальню отпустить!

Святитель поднялся со своего места, принял из рук служки образ Владимирской Божией Матери в золотой оправе, подошел к государю:

– Да будет ваш брак благословен, счастлив и плодовит! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. – Патриарх перекрестил иконой Иоанна, дал поцеловать, потом перекрестил Анастасию, тоже позволил приложиться губами. Передал образ мужу. – Ступайте с богом.

Рядом с государем возник Алексей Адашев, принял икону и, неся ее перед собой, направился к дверям в углу трапезной. Молодые двинулись за ним.

Путь по коридорам оказался недолог – полтора шага, два поворота, – и боярин распахнул перед новоявленными супругами двустворчатые двери расписной, ярко освещенной горницы. Быстро пробежался, поправил покосившуюся на подставке лампу, потрогал одну изразцовую печь, вторую, обернулся:

– Государь, государыня... Я всего на миг в опочивальню к вам зайду, святой образ над постелью повешу... По обычаю...

Адашев бесшумно нырнул за дверь, что была напротив входной, и действительно почти сразу вышел, поклонился:

– Баня вскорости готова будет, я за дверью сей сторожу. Коли понадобится, стукните али позовите просто... – Он обогнул молодых, закрыл за ними створки.

Иоанн и Анастасия остались наедине, не сводя друг с друга глаз.

– Три месяца я мечтаю услышать твой голос, ладушка моя ненаглядная, – признался юный царь. – Скажи мне хоть что-нибудь. – И улыбнулся: – Только не шепотом!

– Я люблю тебя, муж мой, – ответила ему царица. – Люблю до беспамятства. Люблю с того самого часа, как увидела впервые три месяца назад. Ты не представляешь, как я ныне счастлива!

– Представляю, моя любимая, – ответил Иоанн и провел рукой по ее голове, освобождая волосы от ненужных более украшений. А потом снова крепко-крепко, надолго прильнул губами. – Это лучшие слова, каковые токмо я слышал в сей жизни!

– Только бы не проснуться! – взмолилась Настя, когда ее уста вновь оказались разомкнуты.

– Вот уж нет! – Юный богатырь легко, как пушинку, подхватил девушку на руки. – Из нашего сна я тебя никогда и ни за что не отпущу!

Он вдруг крутанулся на месте, рассмеялся и понес жену в опочивальню.

* * *

Юный царь изрядно потрудился в минувший месяц, просмотрев и подписав многие сотни если не тысячи грамот, что каждый день разносились на стремительных скакунах во все края огромной державы, утверждая новое звание ее правителя, новую подпись и печати. Не меньше было составлено и приказов о назначениях. Род потомков боярина Андрея по прозвищу Кобыла оказался воистину многочисленным и разветвленным, его правнуки служили земле русской во многих городах и крепостях, почти во всех приказах, проживали в самых разных землях. А уж сваты, девери, побратимы были всюду. И отныне почти все представители рода Захарьиных внезапно возносились по службе своей к весьма весомым должностям. Иван Висковатый, Никита Фуников, Иван Головин, Андрей Васильев из стряпчих мгновенно превращались в дьяков, принимая под руку Посольский, Казенный, Земской, Поместный, Разрядный приказ; боярские дети Кобылыны, Юрьевы, Яковлевы, Кошкины – становились наместниками, окольными и воеводами.

Впрочем, первым из рода Захарьиных окольным стал, конечно же, Данила Романович, родной брат юной царицы. Хотя он о сем возвышении еще даже не подозревал, где-то на мерзлой Оке оберегая в дозоре православный люд от басурманских душегубов-разбойников.

Иван Васильевич потрудился изрядно – но зато теперь смог вовсе отойти от дел, исчезнуть с глаз людских долой, утонуть душой в темных глазах хрупкой и нежной Анастасии, забыть обо всем на свете, отдавшись любви и счастью. Молодые супруги не знали – да и знать ничего не хотели о том, что происходит за стенами их покоев и жаркой бани, каковую Иван и Настя посещали через два дня на третий. Не то чтобы сильно пачкались – просто таков уж на Руси обычай...

Только боярин Алексей Адашев время от времени просачивался в запретные комнаты – чтобы поменять свечи, перестелить постель, убрать грязную посуду и заветрившиеся угощения, принести новые. Он старался не попадаться молодым на глаза. Но даже когда сие и случалось – царственные супруги были слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на тихого стряпчего...

Почти две недели длилось их уединенное счастье, пока в один из дней молодой боярин не постучал настойчиво в дверь, особо привлекая внимание, а войдя в горницу, не склонился в низком поклоне:

– Не гневайся, государь, что от дум важных отвлекаю! Дозволь слово слуге своему верному молвить.

– Что скажешь, дума моя единственная? – обратился царь к сидящей рядом жене. – Позволим добру молодцу уста свои разомкнуть?

– Пусть сказывает, душа моя... – улыбнулась Анастасия, одетая лишь в нижнюю рубаху и жемчужную понизь. – А то я его уж за тень бесплотную принимать начала.

– Сказывай, боярин, – милостиво кивнул Иоанн.

– Князья московские из Думы боярской челом тебе бьют, государь, – поклонился Адашев. – Пред очи твои предстать желают с делами насущными...

Юный царь повернул голову к жене.

– Возвращайся скорее, супруг мой ненаглядный, – попросила Анастасия.

Иоанн улыбнулся и поднялся из-за стола. Кратко распорядился:

– Одеваться! – поцеловал жену в сладкие алые губы и направился к стряпчему.

Спустя час государь сидел в кресле, поставленном у стены в просторной трапезной дворца. Столы были сдвинуты к стенам и накрыты коврами; перед ними тянулись в два ряда деревянные скамьи, и оттого просторное помещение, освещенное десятком масляных светильников, торжественным отнюдь не выглядело. Ощущение простоты и небрежности дополняла

свита правителя всея Руси: худошавый митрополит в серой суконной рясе и черной скуфье, Григорий Юрьевич, ныне уже думный боярин – в простом коричневом кафтане и вышитой катурлином тафье, и стряпчий Алексей Адашев в нарядном синем зипуне – все украшение которого, однако, составляли лишь желтые шелковые шнуры на швах и застежках. Царь выглядел ненамного богаче. Отороченная соболем суконная шапка, подбитая бобром шуба, перстни на пальцах да тяжелый золоченый шестопер-скипетр в крупном богатырском кулаке.

Увы, но во время бегства из Москвы правителю Руси было не до сундуков с рухлядью. Посему, что в кладовых дворца нашлось – в то старье и одевался.

Княжье посольство смотрелось куда как богаче: высокие бобровые и горлатные шапки, шубы песцовые да соболиные. На шеях сверкали оправленные в золото самоцветы и жемчужные оплечья, ферязи под шубами сияли драгоценным шитьем, о половицы пола стучали резные посохи с серебряной оковкой, с яхонтовым навершием. Однако кланяться пришлось все-таки им: князьям Глинскому и Вельскому, обоим Шуйским и Мстиславскому, боярину Тучкову и прочим думским сидельцам:

– Долгие лета тебе, государь Иван Васильевич!

– И вам здоровья, бояре, – кивнул в ответ юный царь. – С чем пожаловали?

– От всей державы русской и люда православного кланяемся тебе, государь, – сделав шаг вперед, еще раз склонил голову гладко выбритый князь Василий Глинский. Надо сказать, что рябое лицо со множеством старческих морщин сия литвинская мода отнюдь не украшала. – Ведаем, юн ты и горяч! Возжелал деву красную, загорелся сердцем, под венец ее привел. Случается сие, и оно понятно. Однако же побаловал немного – пора и честь знать! Ныне Дума боярская приказов насущных утвердить не в силах, ибо печати ее и подписи незаконными объявлены! В приказах чехарда и разброд, города указы не принимают, Разрядный приказ роспись исполнения нового утвердить не в силах. Посему просим тебя, Иван Васильевич, ныне же в Москву возвратиться и решения Думы подписью и печатью новыми утвердить, смуту ненужную прекратив!

– С какой стати ты, Василий Михайлович, за всю державу и народ православный речи решил вести? – спокойно удивился царь. – Неделю тому назад я повелел собор Земский созвать, на коем люди от каждого сословия и от земли волости сами от имени своего говорить смогут. Сие и выйдет глас державы и народа истинный. Его услышать желаю. Помыслы Руси православной на соборе сем я узнаю в точности, о планах важнейших с народом своим посоветуюсь, с ним и воплощать чаяния общие станем. Вас же, Василий Михайлович, в Думе всего семеро засело. Да и то лишь от одного сословия: своего, думного.

– Может, и семеро! – не выдержав, вскинул посох князь Вельский, на груди которого лежала обширная и седая, хорошо ухоженная борода, наглядно доказывая, что возрастом он своему сотоварищу ничуть не уступает. – Но семь родов древнейших и знатных! Разумность свою и честь веками доказавших! Ты же указами своими смердов худородных в дьяки и воеводы ставишь! Боярских детей на места, исстари княжеские, возводишь! Рода честные позоришь! Где это видано, чтобы князья и бояре люду служивому кланялись, указы смердов черных сполняли?! Ты и в жены-то тоже худородку жалкую избрал! Нечто тебе среди княжон красавиц не нашлось?! Ты что же хочешь, чтобы жены наши и дочери в свите великокняжеской Кошкиной отщепенке прислуживали?! Пустышке безродной кланялись и прислуживали?! Невместно сие!

– О местах вспомнили, псы плешивые?! – вскочив со своего места, громогласно рявкнул царь. – Что же о чести сей не заботились, когда питали нас с братом Юрием, яко холопов иноземных или яко убожайшую чадь?! Когда унижали нас во одеянии и во алкании?! Нешто не помню я, как мы во юности детства играющие были, а ты на лавке сидел, локтем опершись, на постель мою ногу положив, к нам же не преклонялся?! Вся юность моя в невместности прошла! С чего мне ныне о сем беспокоиться?!

– Чадо... – забеспокоился митрополит, однако Иоанн уже сел, зло взмахнув скипетром, откинулся на спинку кресла:

– Господь велел нам прощать обиды врагам нашим. Как государь православный, сей завет я исполняю и объявляю вам, бояре, что карать за прегрешения прежние никого не стану и обиды забуду. Однако же с часа сего вы мою волю исполнять станете, а не помыслы хитрые, что меж собой тайно сочиняете!

– Коли воля твоя, Иван Васильевич, ее исполнить не позорно, – высказался русобородый и голубоглазый князь Иван Михайлович Шуйский, больше известный по прозвищу Плетень. – Но Захарьиным безродным знатные семьи служить не станут! Лучше я на плаху взойду, чем Гришке худородному поклонюсь!

– Пред Господом нашим все равны, княже, – степенно, словно подражая святителю Макарию, ответил юный царь. – Нет для него разницы меж правителем и рабом. Един бог на небе, един царь на земле. Предо мною все равны, Иван Михайлович! И ты, и сын боярский, и смерд черный. И всем вам надлежит волю мою с равным старанием исполнять!

– Воля твоя, государь, – пристукнув посохом, склонил голову князь Шуйский. – Однако же ныне от переживаний сих занемог я сильно. Из постели посмотрю, каково боярские сыны худородные полки ратные в походы водить смогут, росписи разрядные составлять да дела посольские вести. И в свите Анастасии Кошкиной ни супруге моей, ни дочерям не бывать!

Иван Плетень еще раз решительно стукнул об пол посохом, развернулся и неспешно вышел из трапезной.

– Занемог я, государь, – после короткой заминки ударил посохом об пол князь Шуйский-Горбатый, Александр Борисович, и вышел вслед за родственником.

– Занемог! – решил князь Вельский, а вслед за ним Глинский, Мстиславский и все остальные. Не прошло и минуты, как в трапезной, перед импровизированным тронем, стало почти что пусто. Наступила тишина.

– Вот так, отче... – Иоанн в задумчивости прикусил губу. – Хотели мы нынешним годом Казань одолеть, люд православный из рабства освободить, набег разбойничьи пресечь... А полки вести, видишь, уж и некому. Коли войско большое соберется, в нем и князья, и бояре, знамо, будут. А князья уделов разных никому, кроме как Рюриковичам, подчиняться не захотят. Взбунтуются... как вот эти... – Юный царь указал подбородком на распахнутую дверь.

– Князь Владимир Иванович Воротынский рати возглавит, – сообщил думный боярин Григорий Захарьин. – Он ведь от Рюрика род свой ведет, двадцать первое колено. И все семьи рода Воротынских его поддержат. Им токмо в радость будет доблесть показать, покуда старшие княжеские ветви по уделам отсиживаются. Убежать от чести легко. Вернуться трудно.

– Не откажется? – В голосе Иоанна прозвучало сомнение. – О местах и худородстве речей заводить не станет?

– Матушку князя Владимира Ивановича величают Анной Ивановной Захарьиной, – широко ухмыльнулся Григорий Юрьевич. – В любви он зачат, в любви и согласии, в нежной заботе матушкиной вырос и чтит ее, ако святую. Так что при нем о худородстве Захарьиных лучше не поминать.

– Воистину вы есть везде! – сразу повеселел Иоанн и поднялся с кресла. – Что же, раз Шуйские, Глинские и Милославские от службы отказываются, их места займут Воротынские и... И прочие достойные слуги!

– Я горжусь тобой, чадо, – негромко произнес митрополит Макарий. – Ты показал себя истинным государем. Достойным, волевым и решительным!

– Благодарю, святитель... – наклонившись, поцеловал руку священника юный царь.

– Дозволь, государь, и мне слово молвить? – неожиданно подал голос притаившийся за спиной боярина Захарьина стряпчий.

– Сказывай, раз так хочется, – благодушно улыбнулся ему Иоанн.

– В странах самых развитых и полных мудрости, – неуверенно облизнув бледные губы, произнес Алексей Адашев, – государи великие в делах ратных не столько на волю знати своей полагаются, сколько на людей ратных, лично им преданных. У султана османского янычары имеются, у халифов египетских – мамлюки, у падишахов персидских – гулямы. Кабы у тебя, государь, таковые полки личные имелись, так и гнев любой князей знатных тебя бы ничуть не беспокоил.

– Вот как? – заинтересовался юный царь. – Тебе ведомы обычаи халифов и падишахов? Похоже, ты неплохо образован, боярин?

– Я посвятил много времени чтению «Четрых миней» святителя Макария, государь, а также учился счету и красивому письму, – склонил голову стряпчий.

– Коли так, то ты должен знать, боярин, что воины сии воспитывались из детей-рабов, – сказал Иоанн. – Нам, людям православным, подобные обычаи заводить невместно!

– Не нужно детей и рабов! – опять облизнулся Андрей Адашев. – Надобно просто людей вольных в сии полки набирать! Не княжеских, государь, черных! Твоих!

– Не очень пока понимаю, о чем сказываешь, боярин, – покачал головой Иоанн. – Но может статься, здоровое зерно в помыслах твоих и имеется. На бумагу слова сии выпиши и мне опосля подашь. Так оно вернее выйдет, дабы затея не потерялась. Коли успеешь, так сегодня перед ужином...

Иоанн в задумчивости посмотрел на скипетр, потом вдруг сунул его за пазуху и поспешил из трапезной.

– Да пребудет с тобою милость Господа нашего Иисуса Христа, чадо, – торопливо перекрестил его спину митрополит. – А лоно супруги твоей обильным...

Между тем в эти же самые минуты совсем рядом, во дворе Воробьевского дворца, шел совсем другой разговор, начатый боярином Тучковым.

– Вестимо, телепневский ублюдок полагает, Земский собор сразу ему в ножки поклонится и все желания исполнять станет! – со злостью ударил он посохом о столб крыльца. – Вот забавно вышло бы, коли на собор этот взять да и старшего брата Иванова привести, коего Соломея Сабурова в обители родила! Вы помните историю с родами монастырскими, бояре? Великий князь Василий тогда шибко гневался, что жена разведенная ребенка ему не отдала, однако же церковь в его честь поставил и Соломею деревней наградил. Что там далее с дитем сим случилось, никто не помнит? Где оно ныне? После того как Василий Ваньку наследником назвал, я как-то и не справлялся более...

– Вроде как умер мальчик... – ответил князь Глинский. – Оспа.

– Так не было мора в Суздале, – покачал головой Тучков. – Откуда ей взяться-то? Мальчику же ныне годков двадцать должно исполниться. Вот и привести бы его на собор Земский, да спросить народ, кому надлежит державой править – старшему брату али младшему? Вот Ваньке нежданчик бы так нежданчик случился!

– Может, и не оспа, – засомневался князь Глинский. – Но умер он, верно говорю.

Прислушиваясь к разговору думных бояр, князь Иван Шуйский по прозвищу Плетень опустил посох к груди князя Александра Горбатого-Шуйского, вынуждая того замедлить шаг. А когда они отстали от остальных посланцев, негромко спросил:

– Брат мой... Кажется, нам надобно навестить нашу тетушку. Как полагаешь?

– Это верно, Иван Михайлович, – согласно кивнул Александр Борисович. – Про великих княгинь лучше ее никто не знает.

– В таком случае, брат, приглашаю тебя сегодня на ужин, – решил Иван Плетень, и князя Шуйские направились к саням. Каждый к своим, разумеется.

До Москвы обе свиты добрались уже ночью, в полной темноте. Однако княжеское подворье было ярко освещено десятью факелами. Набежала дворня, встречая гостей: приняли за уздцы лошадей; поднеся свет к саням, помогли спешиться боярам.

– Мамай, дворню брата моего в людскую определи, – распорядился ключнику Иван Михайлович. – Накормите, напоите с дороги. Нам же стол в малой горнице вели накрыть. Тетушка Анастасия еще не ужинала? Передай, за честь почтем трапезу с нею разделить.

Пятиородные братья Шуйские не спеша поднялись по лестнице, поклонились дверной иконе, в сенях скинули шубы холопам на руки – чего меж родичами чиниться? Вместо расширенных катурлином валенок обулись в мягкие войлочные полусапожки, так же медленно двинулись по расстеленным по коридору половикам.

Однако, как они ни медлили, слуги все же не успели накрыть стол в небольшой комнате возле хозяйских покоев и теперь суетились, толкая друг друга локтями, расставляя миски с бухарской курагой, крымским изюмом и персидскими финиками, блюда с соленой беломорской семгой, копченой астраханской белорыбицей, печеными двинскими судачками и местной, московской, заливной щукой. Из закуски имелась квашеная капуста с брусникой и яблоками, маринованные огурчики, балтийская селедка, а из горячего – тушенные в сметане караси и пироги с вязигой. Мяса не принесли никакого. Все же день выпал постный, и в еде следовало проявить воздержание.

Иван Плетень терпеливо дождался, пока дворня закончит с хлопотами. Наконец ключник самолично принес два серебряных кувшина, покрытых тонкой самаркандской чеканкой, золотые кубки с самоцветами. Подворники водрузили в центр стола вместо масляной лампы пятирожковый светильник со свежими восковыми свечами – эти горели с запахом лаванды, а не гнилого жира – и вышли за дверь, затворив тяжелые толстые створки.

Александр Борисович прошел к окну, бесшумно ступая по толстому ковру ногайской выделки, попытался выглянуть наружу – но сделать это сквозь две рамы, заделанные ребристой слюдой, понятно, не смог. Спросил, не оглядываясь:

– Нас точно никто не услышит?

– Холопы научены издалека следить, чтобы к дверям никто не подходил, когда я тут гостей потчую, – ответил Иван Михайлович. – И сами ничего не слышат, и другим не дают. Тебе какого вина налить, брат, белого али красного? Оба немецкие.

– Красное фряжское, – прозвучал женский голос.

– Чуть не пролил! – ругнулся вздрогнувший от неожиданности Иван Плетень. – Что же ты меня так пугаешь, тетушка?!

– Ты же сам меня к ужину пригласил, Ванечка, – ответил голос. – Чего же тогда боишься? И кто сие с нами трапезничает?

– Александр Борисович, тетушка, из ветви Горбатых.

– А-а, Сашка-крикун! – Послышался шелест, из сумрака в углу горницы вышла пожилая женщина в темном сарафане и темном платке, с морщинистым уже лицом и глубоко сидящими белесыми глазами. В этой старушке ныне было уже не узнать красавицу Анастасию Шуйскую, кравчую из свиты двух великих княгинь, умную, находчивую и хорошо образованную, надежду всего клана Шуйских на восхождение к власти.

Увы, после смерти князя Василия по прозвищу Немой она как-то сразу сдала, потеряла интерес к жизни и теперь тихо доживала отпущенный век в родовых хоромы. Тем паче что кравчие при дворе вот уже более десяти лет не требовались. Прежняя великая княгиня скончалась давным-давно, а новая у государя всего полмесяца как появилась.

Княжна подобралась к гостю и неожиданно подергала его за окладистую бороду, хлопнула ладонью по животу:

– Заматерел мальчик, заматерел... Когда последний раз тебя видела, у тебя еще даже пушка на подбородке не появилось.

– Это когда же было, тетушка? – не посмел гневаться на грубую ласку Александр Борисович.

– Давно, мальчик, давно, – с грустью вздохнула женщина. – Надо чаще встречаться.

– Тебе красного налить, тетушка? – спросил Иван Плетень.

– Да, фряжского, – кивнула княжна. Она дождалась, пока хозяин дома наполнит золотой кубок, после чего отправилась обратно в сумрачный угол.

– А к столу с нами не сядешь, тетушка?

– Спасибо, Ванечка, я уже покушала, – ответила Анастасия Шуйская. – Так что сказывай, зачем звал, да почивать пойду. Зимой спится хорошо. Воздух сладкий, печь горячая, дрова трещат. Лепота...

– Великая княгиня Соломония после пострига в монастырь мальчика родила, помнишь? – Хозяин дома налил вина себе, после чего повернулся к гостю: – К столу прошу садиться, Александр Борисович. Чем богаты, тем и рады.

– Как же не помнить? – хмыкнула из темноты княжна. – Сразу после переворота Ленки Глинской его боярский сын Кудеяр Тишенков от греха увез, дабы не убили. Он ведь Ивана, сына Глинской, старше, и прав на стол у него куда как поболее. Вот токмо права-то у него были, а сторонников никого. Потому Соломея дитя и спрятала. А чтобы не искали, могилку ложную сделала. Куклу какую-то закопала.

– Так он жив?! – хором переспросили братья.

– Да какая, князья, разница? – удивилась Анастасия Шуйская. – Могилка есть, свидетелей похорон не счесть. Плита надгробная с именем в наличии. А коли так, то и нет его, старшего наследника. Сгинул. А жив, нет – то уже без разницы. Я его и искать не стала. Что я, упырь какой дикий, дитя малое жизни лишать? А литовка поверила.

– Твое здоровье, тетушка, – налив себе вина, поднял кубок гость. – Позволь спросить. Откель ты проведала, что жив царевич?

– Так ведь то тайна невеликая, – засмеялась темнота. – Великая княгиня, пусть и в обители, однако же под надзором все время оставалась. Как же без такой предосторожности? В отчете Разрядного приказа все в подробностях записано. Кто мальчика забрал, когда, что после того Соломея сотворила. Князь Василий Немой сей отчет просмотрел. А Ленке Глинской недосуг оказалось, своим соглядатаям поверила. Вот литовка и успокоилась.

– Выходит, доказать сие выйдет нетрудно? – переспросил Иван Михайлович.

– Смотря что. – Анастасия Шуйская отпила немного вина. – Вы все спрашиваете, спрашиваете, мальчики. Сами-то ничего рассказать не желаете?

– Государь наш, Великий князь Иоанн, взбунтовался, – вздохнул князь Горбатый-Шуйский. – На царствие после Крещения Господня венчался, а через две недели тезку твою, боярскую дочь Анастасию замуж взял. Из Захарьиных. Род сей худородный, однако же плодовитый, и их на Руси больше, чем мышей в старом амбаре. Все места под себя враз растащили, нас же, князей родовитых, от службы отставили.

– Нешто вы собрались государя свергнуть, мальчики? – неприкрыто изумилась женщина. – Неразумно сие. Род Шуйских хоть и велик, но супротив всех прочих князей разом не выстоит. А даже коли победит, то в смуте начавшейся держава разорена окажется. Заместо царствия вам токмо пепелище с мертвецами бесчисленными останется. Ляхи поганые, татары волжские, сарацины османские слабости нашей не попустят, тут же, аки крысы, со всех сторон накинута. Порвут все, что останется. На что вам такая победа? Не-ет, мальчики, смуты допускать нельзя. Власть брать надобно тихо и незаметно, при общем согласии, державу отчую никак не послабляя.

– Старшим в ветви Ярославичей ныне князь Владимир Старицкий выходит, коли по роду, али Юрий, брат Иоанна, коли по отцу, – сказал Александр Борисович, накалывая ножом ломоть копченой белорыбицы. – Если Ивана свергнуть, на престоле окажутся они. Если же поперва

их убирать, то куда управимся, наш шустрый царь живенько своих наследников настрогает. Так что на сем пути нам успеха не видать. Но вот коли старший брат государя жив, то тут все совсем иначе складывается. Старшего брата можно сразу на царствие венчать, даже при живом Иоанне, и потомки Иоанна после того наследниками более уже не окажутся. Рожай не рожай, то без разницы.

– А коли он еще и неженат, то его можно с кем-то из Шуйских повенчать, – задумчиво продолжила княжна. – Тогда уже мы, а не Ярославичи, старшими среди наследников станем.

Женщина поднялась, вышла в свет свечей, уже распрямившись и развернув плечи. И даже морщины на ее лице вроде как частью расправились. Похоже, возникающая интрига разом вернула бывшей кравчей интерес к жизни.

– Доказать, что царевич Юрий жив, несложно, достаточно взять из архива дело Соломеи. – Анастасия Шуйская залпом допила вино, поставила кубок на стол. – Труднее доказать, что это именно он. Надобно сыскать людей, что ребенка малого увидеть успели, приметы определить. Родинки, облик, изъяны какие на теле. Среди монахинь спрос надобно учинить, всех родственников Сабуровских расспросить. Не может быть, чтобы она никому из семьи малыша не показала! Сам ребенок ныне с Кудеяром, полагаю. Как отыщете, от меня поклон боярскому сыну передайте. Меня он знает хорошо, в мое слово должен поверить.

Женщина провела ладонью над столом, опустила пальцы на миску с ягодной пастилой, кинула несколько розовых полупрозрачных ломтиков себе в рот.

– А где он ныне обитает, тетушка? – живо спросил Иван Михайлович. – Куда бояр доверенных посылать?

Княжна пожала плечами и покачала головой:

– Даже не представляю...

11 апреля 1547 года Степь перед Перекопским валом

Всего лишь небольшая полоска весенней степи продолжала сочно зеленеть молодой травой; тут и там среди нее начали распускаться многочисленные бутоны алых диких тюльпанов, словно предвещая близкие реки крови. Полоса чистоты и покоя полтора-два шага в ширину и полверсты длиной. По одну сторону этой полосы темнела широкая лента из десяти тысяч ногайских воинов, пришедших сюда под командой храброго и многоопытного Алимирзы. По другую – плотно сбитая трехтысячная крымская армия калги Эмин-Гирея, закрывающая собой подступ к воротам через Перекоп.

Теплое солнышко поднималось к зениту, наполняя степь блаженной негой, и многие тысячи степняков никак не решались сделать первый шаг к смерти.

– Ал-ла-а!!! Ал-ла-а!!! – прокатился громкий клич по рядам ногайцев, и они тронули пятками коней, вынуждая скакунов медленно двинуться вперед. Луки выскользнули из колчанов в руки, легли на тетивы многие тысячи стрел. – Ал-ла-а!!!

Воздух загудел от бесчисленных темных черточек, что взметнулись ввысь, падая на ряды крымчаков. Заржали от боли лошади, закричали, ругаясь, раненые; кого-то из татар вынесла из строя обезумевшая лошадь, еще кто-то рухнул мертвым под копыта товарищей. Воины калги-султана, в свою очередь, тоже начали стрелять по приближающемуся врагу – но ливень ногайских стрел вышел куда как гуще, и крымчаки не выдержали, сорвались с места, уходя от верной смерти. А поскольку бежать назад было некуда – за их спиной возвышался неодолимый вал, – конная масса двинулась вправо и вперед.

Ногайцы отреагировали мгновенно, двинув на перехват левое крыло своего войска – однако крымчаки не отступили, а наоборот – ускорили скачку, стремительно опустошая колчаны. Когда же до столкновения оставалось всего два десятка шагов – внезапно прянули в стороны, и легкоконные степняки увидели перед собой уже разогнавшуюся во весь опор полусотню закованных в броню всадников в сверкающих стальных, золоченых и вороненых шлемах, с развевающимися за плечами плащами, с круглыми русскими щитами, на которых, однако, были нанесены арабской вязью изречения из Корана.

– Юра, к стремени жмись! – выкрикнул в последний миг непонятную команду воин в вороненом шлеме, и отряд кованой рати стремительно врезался в рыхлую татарскую массу.

Ногайцы поднимали скакунов на дыбы, тянули поводья, пытались развернуться – но их не пускали собственные товарищи, напирющие сзади, и несчастным головным нукерам пришлось принять весь напор на себя – тяжелые рогатины пробивали тела, прикрытые лишь ватными халатами, насквозь; на всю длину входили в лошадиные туши, пробивая затем и седло, и всадника, превращали в щепу легкие тополиные щиты, которыми пытались прикрыться степняки. К тому же кованая конница шла плотным строем, стремя к стремени, и на каждого, привыкшего стоять вольготно, ногайского воина пришлось по два, а то и по три крымчака – так что многих врагов тяжелые всадники просто опрокинули грудью крупных холеных коней и стоптали копытами, продолжая на хорошей скорости двигаться вперед.

– Стремя! Стремя держите! – выкрикнул в самый момент сшибки командир отряда, опустил голову и вскинул щит, принимая на него удар копыт поднятого на дыбы степного коня, толкнул вперед рогатину, метаясь в нижний край вражеского щита. Бедолага слишком поздно стал менять лук на пику и потому в самый важный миг своей жизни оказался практически безоружен. Острая закаленная рогатина легко прошла сквозь древесину, расщепив доски щита вдоль, впиалась степняку в живот – но не слишком глубоко. Бывалый боец успел отдернуть свое копьё, не дав ему застрять в плоти и сохранив оружие для новой схватки.

Идущий рядом воин в золоченом шлеме по своему врагу промахнулся, рогатина прошла мимо цели, однако удар конской грудью опрокинул ногойца, и острое копьё тут же достало врага, что открылся за ним, войдя в грудь по самые усики.

– Бросай! – выдохнул командир, понимая, что наконечник неминуемо застрянет в ребрах.

Неизвестно, услышал его крымский нукер или догадался сам – но он разжал руку и потянул из ножен саблю.

Навстречу попался какой-то знатный татарин, в расшитом халате и стальной мисюрке на голове, попытался достать старшего пикой. Тот ловко подбил ее вверх, пустив над вороненым шлемом, тут же опустил щит, дробя окантовкой ключицу, колоть рогатиной оказалось несподручно. Прикрылся от летящей издали пики, рогатиной подбил другую, направленную в товарища, тут же опустил наконечник, направляя степняку в живот. Промахнулся – но воин в золотом шлеме срубил отвлекшегося ногойца саблей. Вороги легли под копыта коней, а впереди открылись другие, уже опустившие пики.

– Ах ты... – Командир наклонился вперед, принимая на щит копьё, нацеленное в голову коня, резко ударил в ответ рогатиной, намертво прибивая к седлу ногу противника, отпустил копьё и, пролетая мимо, ударил в голову окантовкой щита. Выхватил саблю, пригнулся под очередное копьё, сближаясь, рубанул влево, тут же вправо, по нацелившемуся в товарища клинку, снова влево. Еще трое степняков провалились вниз, под копыта несокрушимой полусотни, еще десяток шагов преодолела ковкая конница.

Мелькнула пика. Командир быстро повернул тело, позволяя наконечнику со скрежетом скользнуть по нагрудным пластинам бахтерца, ударил щитом под вскинутую руку, ломая ребра, тут же поднял его выше, закрываясь от опасности слева, сам качнулся в другую сторону, подбивая вверх наконечник, нацеленный в грудь воину в золотом шлеме, хлестнул клинком вдоль ратовища, по пальцам, отпрянул обратно, опуская щит и оглядываясь. И тут же его вскинул, принимая в дерево наконечники пики. Острие прошло щит, и воин в вороненом шлеме отпустил спасительный деревянный диск – все равно теперь не удержать! – стремительно выдернул из петли на поясе топорик, перехватил за рукоять и успел рубануть проносащегося мимо ногойца по колену – туловище тот закрыл щитом.

Еще несколько степняков ушли под копыта, еще десяток шагов остался позади. Впереди открылся свет чистой бескрайней степи.

– Иншал-ла!!! – Воин подогнал скакуна шпорами, вскидывая над головой саблю и топорик.

Впереди оставались только самые молодые, неопытные татары, каковых ногойцы прятали за свои спины, и потому командир ковкой полусотни без страха налетел грудью на наконечник пики. Резко повернулся, вынуждая скользнуть по броне, щелкнул топориком по вражескому запястью на ратовище, качнулся вправо, ударил топориком в верх татарского щита. Деревянный диск подпрыгнул выше, и сабля тут же рубанула понизу в открывшуюся щель. Ногаец, целившийся в сотоварища воина, согнулся, падая с седла, а опытный боец уже качнулся в другую сторону, цапанул топориком верх вражеского щита слева, дернул к себе, открывая противника, стремительно уколел в горло, отмахнулся от пики татарина за ним, стукнул топором по ноге и... И первым вырвался на степной простор:

– Иншал-ла!!!

Закованная от головы до пят в сталь слитная полусотня прошла через рыхлую массу легкой степной конницы, как горячий нож сквозь масло, и, потеряв всего десять воинов, вырвалась на степной простор за спину ногойской армии. И все бы ничего – но вслед за нею в пробитую брешь широким потоком хлынула и остальная крымская конница, выхлестывая сотня за сотней за крупы всадников Алимизы, скача вплотную к врагу и почти в упор расстреливая из луков открытые спины вражеских воинов. Тысяча луков, полста стрел в колчане, с расстояния, не допуская промахов.

Ногайцы видели и осознавали опасность. Однако развернуться верхом в общем строю, пусть даже таком рыхлом, как у степной армии, – не такая простая задача. И потому татары просто шарахнулись от смерти вперед – к валу, благо крымчаков впереди почти не осталось. Быстро и ловко отстреливаясь с седла назад, ногайцы подкатились почти к самым воротам и... И тут со стен в густую толпу жажнул слитный картечный залп, выкосивший разом почти половину и без того поредевшей армии Алимирзы. Османские пушкеры, охраняющие Перекопский вал, хорошо знали свое дело, и ни один вылетевший из стволов камень не прошел мимо цели.

Несчастные взвыли от ужаса, шарахнулись в стороны, заметались, пытаясь развернуться – а по ним стреляли и стреляли турецкие пищали и гаковницы.

На залитом кровью, усыпанном телами и лошадиными тушами предполье наконец-то стало достаточно просторно, чтобы выжившие ногайцы развернулись, кинулись прочь – но это была уже не армия, а толпа, в который каждый дрался только за себя, за свою жизнь. Встречала же беглецов на пики вполне еще бодрая армия калги Эмин-Гирея.

Это была уже не битва. Это была резня...

* * *

Слуги накрыли дастархан для знатных крымчаков прямо на месте недавней битвы. Даже не дастархан – просто бросили на затоптанную траву ковры, на которые выставили кувшины с кумысом и пиалы да разное угощение: блюда с сухофруктами, с копченой рыбой и вяленным мясом. Во главе этого импровизированного стола сидел молодой калга Эмин-Гирей – круглолицый гладкокожий розовощекий татарин неполных тридцати лет, чем-то напоминающий китайскую фарфоровую игрушку: чистенькую, гляцевую, с аккуратно нарисованными тонкими черными бровями и такой же узкой короткой бородкой, в бело-зеленой чалме и крытом шелком халате такой же расцветки. Рядом с сыном крымского хана Сахиб-Гирея, на воткнутом в землю копье, покачивалась голова Алимирзы, смотрящая на победителей тусклыми глазами. Тело предводителя ногайцев нашли на поле боя порванным картечью, однако голова уцелела. Так что Эмин-Гирею имелось что отвезти отцу в доказательство успеха.

– Аллах, да святится имя его, милостив к нам, други! – поднял пиалу калга-султан. – Он даровал великую победу мечам нашим, и участием в сей битве каждый из вас сможет гордиться пред детьми своими и родичами! Восславим Всевышнего, брата!

Татары выпили, слуги торопливо наполнили пиалу Эмин-Гирея снова. Татарин, переведя дух, скользнул глазами по рядам гостей, указал рукой на двух нукеров в сверкающих доспехах:

– Ты великий воин, Бек-Булат! Прими мое восхищение. Нельзя не признать, ты не зря носишь такое прозвище. И твой сын ничуть не уступает тебе доблестью!

– Милостью Всевышнего, да будет благословенно имя его, – прижал ладонь к груди старик с такой же узкой, как у ханского сына, но совершенно седой бородкой, – мы рады сражаться во славу Крымского ханства. Но наш успех не был бы полным без помощи умелого Бека-Рустама, что до последнего мига прятал от ногайцев мою полусотню за спинами своих нукеров.

– Бек-Булат скромничает, – улыбнулся старик, сидевший возле него по левую руку. – Именно его хитрость и его нукеры, хорошо обученные и вооруженные, принесли нам удачу! Что проку от моего умения, кабы у нас не имелось достаточно одетых в железо воинов?

– И османских пушек на стенах, калги-султан, послушных твоей воле, – поклонился ханскому сыну Бек-Булат.

Эмин-Гирей довольно рассмеялся, отводя руку с пиалой за новой порцией кумыса.

– Довольно, беки! Зело слышан я о старой вашей дружбе, можете друг друга не хвалить. Ценю! И потому хочу спросить, доблестные воины: зачем вам киснуть в соленых болотах Сиваша? Переезжайте в Бахчисарай! Мой отец и я по достоинству оценим вашу храбрость и

ратную мудрость. Вам надлежит сидеть на дворцовых дуванах, купаться в подарках и уважении и служить там аталыками, воспитателями султанов!

– Это великая честь, калги-султан, клянусь могилами предков! – прижал ладонь к груди и слегка поклонился Бек-Булат. – Двадцать лет назад я бы без колебаний отдал руку за такое приглашение! Но ныне, храбрый Эмин-Гирей, я слишком стар и немощен для долгих походов и мудрых советов. Мы, старики, ныне больше о болячках своих речи ведем, нежели о победах ратных. Тягость от меня выйдет, калги-султан, а не польза. Боюсь разочаровать твои ожидания.

– Я видел тебя на поле брани, Бек-Булат, – недовольно поджал губы ханский сын. – Не всякий зрелый нукер сравнится с тобой в ловкости и силе. Ты наговариваешь на себя, старик!

– Так ведь сие рядом с домом, храбрый Эмин-Гирей, и в краткой сшибке, – развел руками старик. – И с милостью Аллаха, да святится имя его! Дальний поход и долгая битва мне уже в тягость.

– Пусть будет так, – смирился победитель. – А что ты скажешь, сын Булат? Готов ли ты пойти ко мне на службу?

Бек-Булат отвел руку назад и незаметно сжал локоть юного воина.

– Это великая честь, калги-султан! – приподнявшись, поклонился Эмин-Гирей молодой нукер. – Однако дозволю сперва навестить свой дом. Нас изрядно потрепали в этой сече. Надобно наградить детей погибших, проверить и обновить снаряжение, лошадей, распорядиться по хозяйству. Отец стар и уже давно переложил сии хлопоты на меня.

– Вижу, ты уже сейчас достоин звания алатыка, сын Булат, – рассмеялся ханский сын. – Воин не токмо храбрый, но и хозяйственный. Хорошо, я подожду! И ты получишь награду, дабы быстрее управиться с сими хлопотами. Восславим Всевышнего, други, что дарует Крыму столь славных воинов!

Калги-султан поднял пиалу, а затем решительно ее осушил.

Пир продолжался до поздних сумерек – пока уставший калги-султан не отправился отдыхать. После сего разошлись к своим нукерам и остальные беки, беи и мурзы.

Отряды Бек-Булата и Бек-Рустама стояли, понятно, рядом. И потому, отдав распоряжения о сборах, они сели бок о бок возле общего скромного костерка, вытянув к нему руки.

– Что же ты не приезжал раньше, брат мой Кудеяр? – посетовал Рустам. – Лет этак на двадцать, а лучше на тридцать до того? Сидели бы мы сейчас не на вытертой кошме в мокрой степи, а на подушках пуховых в огромном дворце, да у стола с виноградом и раками, а пред нами танцевали бы юные голопузые красавицы.

– Перестань, дружище, – усмехнулся Бек-Булат. – Разве мы прожили плохую жизнь? Разве мы не прошли эту землю от края и до края? Разве не победили во всех своих битвах? Разве не вырастили прекрасных сыновей?

– Как сказать, Кудеяр? – почесал в затылке татарин. – Осталась на моей памяти одна сшибка, в которой не повезло. А тебе вроде как некому оказалось родить сына?

Рустам вопросительно посмотрел на друга.

– Да, некому, – спохватившись, кивнул бывший боярский сын. – Не повезло. Давай укладываться. Завтра рано вставать.

Это оказалось не просто словами. Нукеры беков Булата и Рустама поднялись первыми, еще до рассвета. Даже не завтракая, они наскоро увязали вещи, навьючили лошадей и первыми ушли из еще спящего лагеря. Кудеяр очень не хотел попадаться на глаза сыну крымского хана – дабы тот опять не завел разговор о службе.

Вскоре после полудня, миновав местный водопой и пройдя за него с десятков верст, друзья обнялись, и два отряда разошлись в стороны, каждый к своему кочевью.

И только здесь Георгий, которого все знакомые татары называли не иначе, как сын Булат, наконец спросил:

– Почему ты не желаешь, чтобы я принял приглашение калги-султана, дядюшка? Он обещает высокое звание, много серебра, почет и уважение, славу, дворцы! Мне уже двадцать лет. Я хочу занять место, достойное знаменитого воина!

Кудеяр оглянулся на скачущих позади нукеров, ткнул пятками коня, заставляя его ускорить шаг, и понизил голос:

– Разве ты забыл, кто ты таков, мой мальчик? Ты сын Великого князя Василия и великой княгини Соломеи, законный наследник русского престола! Не было такого отродясь на памяти русской, чтобы правители московские татарам служили! Это татары всегда у державы нашей на посылках. Что царь крымский, что казанский, что сарайский не раз под руку Великих князей вставали. Но чтобы князья московские басурманину поклонились – никогда! Невместно сие и недопустимо! Коли на унижение такое согласишься, всех предков своих опозоришь! И потомкам пятно несмываемое: коли предок под калги-султаном ходил, то и им такое же место полагается!

– А вчера мы разве им не служили? – нахмурился молодой голубоглазый воин.

– Не ты, я служил! – вскинул указательный палец Кудеяр. – Я же, милостью Аллаха, да будет благословенно его имя, всего лишь боярский сын. Мне под крымским ханом ходить не позор. Да и не служил я Гирею, коли разобраться. По зову его пришел вместе с соседями землю свою от чужаков защитить. Защитил – и видишь вот, по желанию своему ухожу. Мог не приходиться. Разве это служба? Считай, в союзе я с крымчаками был, а не в подчинении. Но вот если ты во дворце сидеть станешь, приказы и поручения исполнять и плату за сие получать, кланяться и руку целовать – это уже служба. Это означает, что ты власть крымскую над собой, Рюриковичем, признал. Для тебя так поступить – значит весь род свой, всю землю предать. Ты не то что за серебро, ты скорее с голоду умереть обязан, нежели кусок хлеба у кого выслужить! Только меч твой кормилец, да земля и люди, что тебе принадлежат. Иначе – бесчестье!

– Коли я наследник русского престола, дядюшка, что мы делаем здесь, в крымских степях?! – спросил сын Булат. – Нужно ехать в Москву и садиться на трон!

– Кабы это было так просто... – вздохнул старый Кудеяр. – Мало иметь право, мой мальчик. Нужно иметь силу, дабы право сие утвердить.

– Но ведь я законный наследник, ты сам говоришь!

– Ох, Юра, – покачал головой Бек-Булат. – Иногда ты бываешь так наивен... Давай я приведу тебе простой пример. Видишь во-он тот стебель ковыля? – натянув поводья, старик указал плетью на заросли в низинке. – Прикажи ему поклониться!

– Это как? – растерялся молодой воин.

– Когда мы приехали сюда пятнадцать лет назад, Юра, я купил дом и сад в Джанкое, соляной прииск и вот эту землю. Она принадлежит тебе. И этот стебель тоже. Прикажи!

– Но-о...

– Не слушается? – не без ехидства спросил Кудеяр. – Вот так везде. Мало иметь право. Нужно иметь возможность. Нукеры за нашими спинами слушаются нас потому, что мы даем им оружие, броню и землю для выпасов. И награждаем добычей из набегов. Слуги в саду и на подворье слушаются потому, что боятся наказания. Травинку ты тоже можешь принудить к повиновению, послав к ней верного нукера. Но как ты приведешь к повиновению величайшую державу ойкумены? Тебе нечем награждать достойных, и ты не в силах наказывать отступников. Кто станет тебя слушать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.